

74 ДНЯ ПЕРЕД БЕССМЕРТИЕМ
или Последняя командировка Ваана Терьяна

Памяти Анаит и Нвард,
самоотверженных женщин

Пьян, пьян я, томит меня хмель...

Два удостоверения вводят нас в суть - несут в совокупности своей и завязку, и развязку.

Два обыкновенные командировочные удостоверения - только в особое, необыкновенное время выписанные...

Первое - октябрьское.

...РСФСР. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

Москва, Кремль. № 2707.

Удостоверение на поездку по железным дорогам в международном вагоне и получение билета вне всяких очередей.

Предъявитель сего В.С. Терьян с женой.

Служебное положение - член ВЦИК.

Цель поездки - командировка.

Спешность порученного дела - предоставить двухместное купе при трех билетах.

Ст. отправления - Москва.

Ст. назначения - Ташкент, через Самару и Оренбург.

Председатель ВЦИК М. Калинин. Секретарь ВЦИК...

На удостоверении сделаны пометы: 1) "остаётся на руках едущего", 2) "срок по 29 X 1919 г."

Двадцать девятое определялось как последний срок их выезда.

Выехали несколькими днями ранее.

Пьян, пьян я, томит меня хмель...

Второе удостоверение - январское. Года следующего, двадцатого.

...Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Революционный Военный Совет 1-й Армии Туркфронта. 14 января 1920 г. № 187.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дано сие жене члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета товарища Терьян, умершего 7-го января 1920 года в Оренбурге, Анаит Александровне Шахиджаниян, в том, что она направляется в Москву.

Всем военным, железнодорожным и гражданским властям предлагается оказывать тов. Шахиджаниян полное содействие в пути.

Врид Командарма - 1... Член Реввоенсовета... Зав. секретариатом Реввоенсовета...

Горьким было возвращение. Ее Ваан оставался в заметенной снегами земле оренбургского кладбища, она уезжала в Москву, чтобы отчитаться в **невыполненной** их командировке и сказать тем, кто ждал: Терьяна больше нет.

Анаит везла с собою его заветную папку со стихами, среди которых было и последнее, в дороге рожденное стихотворение. То, что звучит во мне безошибочно чутким камертоном:

Пьян, пьян я, томит меня хмель...

1.

" 25 октября выехали... Отдельное купе в международном вагоне..."

Это не дневник - здесь и дальше строки, написанные позже, когда трагедия свершилась и едва начавшаяся их жизнь трагически оборвалась.

Дневник Анаит не вела. Вряд ли вообще ведет его юная женщина, юный человек в свадебном своем путешествии. Ведь с ними любовь - удивительное, пьянящее чувство.

Томит меня хмель...

Анаит он любил, как может любить поэт, вновь ощутивший, обретший вдохновение.

Любви посвящено много его стихов. Любви-предчувствию и любви-страсти.

Юношески целомудренные:

...Как нежданная радость, ты
Мне явилась в лучах мечты.
Вдаль увел тебя пыльный путь, -
Никогда тебя не вернуть. (пер. Т. Спендиарова).

.....
...От гнетущей тоски избавления нет.
Мне тебя не найти - оттого и тоска.
Я луной околдован, ты - лунный мой свет,
Ты всегда мне близка и всегда далека. (пер. Вс. Рождественский).

.....
Как безропотно вянет цветок
Там, где тень - ледяная могила.
Пусть любви моей гибнет росток,
Чтоб она твои дни не мрачила... (пер. А. Ахматовой).

И совсем иные, о любви "грешной", всепоглощающей, яростной:

В скрытом логове греха
Божествам служба бессонным,
Околдуй меня, тиха,
Наслажденьем потаенным.

Темной ночью призови,
Лаской грозной, лаской жгучей
Тело, ждавшее любви,
В келье потайной измучай.

Пусть оно во тьме кричит
В страхе от твоих объятий,

Пусть оно кровоточит,
Силы робкие истратив.

Все отдам тебе я в дар, -
Так велело мне слепое
Сочетанье черных чар,
Ведомых лишь нам с тобою. (пер. А. Щербакова).

Сотни, может, тысячи строк о любви - и каких строк! какой любви гимны!

"Хорошо тем, кто любит и любим. Для них нет обстоятельств... Нет ничего лучше любви". Это из письма его к Марте Мискарян.

"Кто скажет нам грустным и одиноким - верующий и властный - "любите и вы победите смерть!" Оттуда же, и того самого года.

Весной десятого восклицал он: "Если бы я любил!" В феврале, на пороге весны следующей, стал мужем Сусанны Пахаловой, которую встретил в армянской церкви в Москве, где она по воскресеньям пела в хоре. Двадцать шесть ему, двадцать три ей - не девчонка, во всех отношениях близкая.

Из писем к друг другу, Антарам Мискарян (их много-много лет спустя издаст Нвард Терьян, дочь Ваана и Анаит):

"Женитьба меня не изменила кажется - я все такой же, не озверел и не одурел... хотя, конечно, пожаловаться не могу - мне, кажется, живется все-таки лучше..." (1911, март).

"Вы спрашиваете о Сусанне... Она жива и здорова, но скучает, конечно, там (в Ставрополе, где жили ее родители - ездила на поправку), и я страшно по ней соскучился и жду не дождусь, когда она приедет..." (1913, ноябрь).

"Думаю о вас, как о своей родной - хорошей, доброй, милой. И, ей-богу, совесть не грызет, что, это "измена" Сусанне. Да и она смотрит на наши с вами отношения очень, очень хорошо..." (1915, июль).

"Своевременно я ответить на ваше письмо не смог, ибо было очень много хлопот и возни... Возня и хлопоты возникли сперва вследствие родов Сусанны, которые прошли тяжело и горестно - ребенок (девочка) умерла во время родов, что было большим горем для нас..." (1916, июнь).

Сусанна - пусть не названная, пусть незримая - за строками многих стихотворений. ("Вы спрашиваете о моей музе? Она кланяется вам низко"). **Муза** - это для поэта святое. И **святое** - боль несостоявшегося отцовства.

Когда эта боль пронзит его вторично, уже в начале 1918-го, он напишет свой маленький, потрясающе горький (но в то же время и светлый) цикл "Моей малютке".

Я один в темноте рыдаю,
Что могу, что сделаю я?
Детка ты моя золотая,
Птичка, звездочка ты моя... (пер. А. Щербаков).

Как много говорит его "квартет" о душе, умеющей горевать, страдать, плакать...

За нее, за эту душу поэта, полюбила Ваана Анаит.
Ответила на доверие доверием, на любовь любовью.
Пошла за ним, когда он ее позвал.

Позвал не суля "блаженства и рая".

...томит меня хмель...

Пьянило не вино. Была бутылка доброго, "домашнего" армянского, поставленная на стол в их купе пришедшими проводить друзьями.

Пьянило то, что были они вместе, наедине друг с другом, вдали от глаз вопрошающих и тем более осуждающих.

Од-ни... од-ни... За что их могли осуждать?

Ваан не уходил тайком от Сусанны к "бессердечной разлучнице".

Его семейную жизнь сломали события, которые перевернули всю Россию.

Когда-то он писал в письме к Марте Мискарян, бесспорно ему нравившейся.

Прочтем это место внимательнее.

"Хотелось ближе"... "Так сложились обстоятельства"... Мне тоже хотелось. Помните? Мне тоже - помешали обстоятельства. Но ведь каждый из нас мог сказать "хочу!" И подойти. Разве страшно подойти к человеку ближе и посмотреть его вблизи? Иногда - да. Но ведь не всякий стоит этого. Может и я не стою? А вы? Не знаю. Но мне хотелось ближе, так же как и вам, и мы все же не подошли. А может вы и есть та, которой нет на этом свете?".

Сусанну он любил. Надеялся, что вместе проживут всю жизнь. Без разлук, в полном взаимопонимании, с детьми.

Разлук оказалось много: Сусанна болела и надолго уезжала в Ставрополь, подальше от непогоды московских, петроградских мест их жительства. В последний раз он проводил ее туда перед тем, как самому отправиться в Брест-Литовск, на переговоры о заключении мира с Германией - Терьяна туда командировали в качестве официального консультанта по делам Армении. Вернулся и узнал, что в дороге, по пути на юг, смерть отняла любимого их ребенка. "Настанет май, придет цветов обилье, Проснется нежный голосок ручья... В какую даль невидимые крылья Тебя умчали, ласточка моя?.." Ни уберечь маленькую, ни увидеть холмик над могилой дочурки и поплакать над нею, ни утешить осиротевшую, как и он сам, жену Ваану дано не было. Ставрополь оказался по другую линию фронта: разгоралась гражданская война. "Ставропольскую советскую республику", провозглашенную в январе, предали эсеры; потом, позже она не раз становилась ареной кровопролитных мятежей, а в декабре, после многих месяцев непрерывных боев, территорию Северного Кавказа захватили белогвардейцы и восстановить здесь Советскую власть удалось только после разгрома денкинщины, уже в двадцатом.

Будучи на Северном Кавказе летом 1918-го, Терьян, занимавшийся судьбой армянских беженцев, пытался установить связь с Сусанной (об этом рассказано и в воспоминаниях его товарища О. Кусикяна), но... старания успехом не увенчались.

Что осталось мне? Золотая сеть - больше ничего.

Жемчуг памяти - но куда надеть? - больше ничего...

"Жемчуг памяти" тускнел, угасал. (В 1921 году Сусанна Сергеевна станет женой Александра Мясникяна, близкого товарища Терьяна, видного партийного, государственного и военного деятеля, ставшего в марте того же года председателем Ревкома, а затем Совнаркома Армении и, одновременно, заместителем председателя Совнаркома Закавказской Советской Федеративной

Социалистической Республики, членом Кавбюро ЦК РКП(б). Жили супруги в Тифлисе, детей у них не было. А.Ф. Мясникян погиб в 1925-м в авиационной катастрофе. Сусанна пережила его на десять с лишним лет и умерла в 1936-м от нескончаемо мучившего ее туберкулеза легких.).

Одни... Одни...

Его осуждали: брачный союз скрепляет бог и обыкновенному смертному нарушить священные узы непозволительно. Он страдал. Была бесконечная тоска.

Один... Один...

Но насколько тяжелее, мучительнее было ей - совсем молодой, никогда прежде не любившей, девятнадцатилетней девушке-армянке из семьи, где свято блюли все традиции? Преступить "закон" и пойти навстречу истерзанному сердцу женатого человека?

Каково сносить гнев и отвержение родителей, косые взгляды знакомых, еще недавно тебе улыбававшихся... Каково слышать ехидные смешки и злой шепоток за спиной...

Одни... Одни...

В мир моей черной маяты, о радость сердца моего,
Так просто потянулась ты, о радость сердца моего.
Ты так восторженна была, самоотверженна была,
С тобой пути у нас слиты, о радость сердца моего.
Ты мне решилась сострадать, о радость сердца моего.
В ответ не мог я радость дать, о радость сердца моего.
Но ты, войдя в мой дом пустой, мне стала любящей сестрой,
Мне матерью сумела стать, о радость сердца моего.
Благославляю я тебя, тебе молось, пою, любя.
Мой свет душевный сохраня, ты стала жрицею огня,
Навек пленившего меня, о радость сердца моего.
(пер. А. Щербаков).

Один... Один...

И пусть отступит усталость, пусть уйдут боли и болезни - они любят друг друга, они вместе, они счастливы сейчас и будут счастливы долгие годы. Анаит, прекрасная Анаит, "пьян, пьян я, томит меня хмель"!

О, длись, этот сон, этот сон...

На совести пуританствующих (если точнее, то ханжествующих) авторов пусть остаются их утверждения о том, что Ваан Терьян был в этой командировке один, а если и не один, то "вместе с членом Комиссариата по армянским делам Анаит Шахиджанян". О связывающих их супружеских узах предпочитают умалчивать: как бы не бросить на человека тень подозрений в чем-то "неприличном", "недозволенном". Полноте - "членом Комиссариата" Анаит не была: слишком высоко это звание для машинистки (или просто рядовой служащей). Да, их не венчали в церкви. А то, что повенчало их

героическое, революционное время? Что мужем и женой их объявили Председатель ВЦИК и Реввоенсовет Первой армии? Этого вам мало, почтенные биографы? Так к чему умолчание? На пользу ли оно истине? И сказал бы за него вам спасибо сам поэт?

Терьян ехал с **женой**. Молодой женой, которая носила под сердцем их будущего ребенка. В далекий, многотрудный, неизведанный путь из Москвы отправлялись не сотрудники, но любящие, и любовью своей счастливые, молодожены.

"У него было чувство облегчения и говорил, что теперь, когда вырвался, начнет и сможет много работать..."

Вырвался? Год был из труднейших. Часто и подолгу болел, лечиться же основательно не считал возможным - не то, мол, время. Ездил по стране меньше, зато больше сил отдавал политической работе. В номере гостиницы "Метрополь", куда он переселился, ночи напролет не гас свет: Терьян занимался переводом на армянский ленинского "Государства и революции", ленинского "Карла Маркса", вел деятельность партийного публициста - написал "Письма армянским крестьянам и рабочим". (В статье этой, открывавшей собою первый же номер органа Комиссариата по делам армян еженедельника "Коммунист", читаем такие строки: "Мы всегда пропагандировали и сейчас пропагандируем, что спасение армянского трудового народа заключается в мощи власти Советов рабочих и солдатских депутатов России. Все мы, армяне коммунисты-большевики, обращаемся к вам с призывом: армяне-крестьяне и армяне-рабочие, присоединяйтесь к красным полкам Советов России, помогите им, так как красные социалистические полки рабочих и крестьян России в один прекрасный день протянут братскую руку вам, армянскому крестьянскому и рабочему, измученным и угнетенным, находящимся в смертельной опасности..."). О "Государстве и революции" в переводе Терьяна (книга вышла в 1920-м) вдохновенно скажет Александр Мясникян: "Перевод Терьяна - действительно его революционный завет армянскому пролетариату. Пусть этот объемистый перевод великой книги... будет вечным памятником крупному армянскому писателю и отважному борцу на его далекой и скромной могиле". Теперь, выехав из Москвы, он сможет снова окунуться и в жизнь государства, и в революцию **на практике**.

Вырвался? Весь девятнадцатый Терьян занимался организацией новой армянской школы, устройством первого армянского учебно-научного центра, выпуском книг, обращенных к родному народу. Нахлынувшая на Ваана любовь к Анаит звала к стихам, а писать почти не удавалось, на самое для него главное ни времени, ни сил не хватало. Теперь он будет писать снова, и писать много.

Вырвался? Командировочное предписание было выписано еще 3 октября, а отправиться удалось только 25-го - три с лишним недели спустя.

...Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
Народный Комиссариат Иностраннных Дел. Канцелярия Народного Комиссариата.

Октября 3-го 1919 г., № 6/1981.

Москва, угол Спиридоновки и Патриаршего пер., д. № 30/1, телефон № 4-22-96.

Удостоверение

Народный Комиссариат по Иностранным Дела́м настоящим удостоверяет, что предъявитель сего член ВЦИК тов. Ваган Сукиасович Терьян отправлен с ВАЖНЫМИ и СРОЧНЫМИ поручениями от Наркоминдела в г. Ташкент через Самару и Оренбург.

Всем военным, гражданским и железнодорожным властям предлагается оказывать тов. Терьяну самое широкое содействие по пути его следования.

Зам. Народного Комиссариата по Иностранным Дела́м

Л. Карахан

Секретарь...

В верхнем углу фотография, скрепленная печатью Наркоминдела; круглой печатью скреплены и подписи внизу официального бланка.

Удостоверение он получил от Льва Михайловича Карахана в служебном его кабинете. Пятнадцатилетним вступил этот человек в революционное движение, в 1917-м стал членом партии коммунистов-большевиков. Подобному говорили о нем все, кто вспоминал самые горячие события Октября. Терьян был знаком с ним уже довольно давно; вместе участвовали в работе советской делегации на переговорах о Брестском мире, где именно Карахан исполнял многотрудные обязанности секретаря.

Вручая бумаги, Лев Михайлович жарко пожал ему руку. "Нежностей" он себе не позволял, хотя и знал Ваан, какая нежная душа у этого рано созревшего и усталого человека, только-только перешагнувшего рубеж своих тридцати лет.

"Вручая бумаги..." Бумаги? Или один этот листок? Я не позволяю себе **придумывать**, особенно в главном, том, что касается деловой сути командировки. Факты, только факты... Какая досада, что их так мало - прямых, четких, "документированных"! Но мне, скажу сразу, верится, что были именно **бумаги**.

И как союзника в этой своей вере привлекаю Нвард Терьян, дочь поэта, которая в 1970-м выпустила неизданные письма отца, сопроводив их собственным предисловием - строгим и в то же время эмоциональным, честным от начала до конца. Много лет мы дружили, предисловие я читал еще в черновых набросках и видел, как "обрастало" оно мыслями, фактами.

Отвлекусь ненадолго, чтобы привести ее строки, казалось бы, не касающиеся, и в то же время касающиеся безусловно, вопроса, который решаю я здесь, в этом непридуманном своем повествовании. Решаю для себя, решаю для читателей Ваана Терьяна...

Говорит Нвард, его дочь и его биограф.

- Не прошло и полувек (книга вышла в семидесятом - Л.Б.), а на Терьяна уже наложен "хрестоматийный глянец", и мы редко имеем возможность познакомиться с его человеческим обликом, если не считать воспоминаний современников, которых не так уж много. Кстати, надо сказать, что среди фактов из жизни поэта часто приводятся и небывалые, ничем не подтвержденные (например, случай, когда В.И. Ленин якобы получив от армянина-сапожника ботинки, отдал их В. Терьяну), а иногда и просто противоречащие известным фактам биографии Терьяна (так, пишут, что поэт присутствовал при встрече В.И. Ленина на Финляндском вокзале 3 апреля 1917 года и слушал его выступление, тогда как известно, что с января по август этого года поэт в Петрограде не был - он находился на Кавказе). Распространению таких недостоверных фактов и ложных "воспоминаний" способствует и

попытка некоторых писателей делать "художественные домыслы" в своих романах, пьесах, сценариях, создавать новые и смещать известные факты во времени, сталкивать никогда не знавших друг друга близких поэту людей. Все это кажется по меньшей мере недопустимым, тем более, что таким образом вводятся в заблуждение не только читатели, но и последующие исследователи жизни Ваана Терьяна. Поэтому каждое достоверное слово о характере, взглядах, жизни Терьяна - человека уже сейчас имеет большую ценность, не говоря о временах будущих...

Согласен, целиком и полностью согласен с прямым этим упреком! Жизнь богаче любого домысла, любого вымысла. А потому... потому считаю возможным воспроизвести **как свидетельство** строки из того же предисловия Нвард Терьян.

Сверхлаконично излагая факты биографии отца, она пишет: "Наконец, осенью 1919 года Терьян едет в командировку на Ближний Восток..." Тут автор ставит цифру очередной сноски и выносит вниз такое: "По этому вопросу... существуют различные мнения, так как не сохранилось документов, говорящих о цели и пункте последней командировки Ваана Терьяна... Своими глазами я видела напечатанный на шелку и подписанный зам. Комиссара иностранных дел Л. Караханом документ, в котором указывалось, что Терьян направляется на Ближний Восток. Документ этот был вшит в подкладку пиджака Терьяна, после его смерти в Оренбурге выпорот моей матерью, но, к сожалению, не сохранился".

Значит, все-таки "бумаги"? Одно предписание - главное - для советской части маршрута (Москва - Самара - Оренбурга - Ташкент) и другое - тщательно спрятанное - "на потом", когда они отправятся дальше?

Свидетельство уважаемой Нвард Ваановны сомнения у меня не вызывает. Во-первых, потому, что она не позволяла себе придумывать - перед памятью отца была чиста совершенно. Ну, а, во-вторых, ее свидетельство подтвердил... сам Терьян.

Продолжаем следовать за ним, за Анаит и - прочтем.

"Дорога до Самары была очень удачная..."

Не буду и пытаться воспроизвести тут обстановку этой части их поездки.

Международные вагоны, бывшие тогда в ходу, до сих пор сохраняются разве что в фирменном составе Москва - Рига. Во всяком случае, мне удалось **насладиться** одним из них именно там. Красное дерево... бронза... мягкие диваны... тишина и покой... Как ни спешил (а спешим мы всегда), от души порадовался тому, что не воспользовался на сей раз очередным скоростным ТУ.

Мало в чем изменился, вероятно, и маршрут поездки: пассажирские останавливались на тех же станциях, где останавливаются и сейчас.

Скорости были иными? Вот это другое дело: паровоз не электровоз - сил у него поменьше, хотя топка раскалена и дыма предостаточно.

За окном была Россия. Та ее часть, которую он видел впервые. Новые впечатления сменялись новейшими. Порой даже забывалось, что идет война... гражданская война...

Забывалось?

Неправда это - не забывалось ни на миг.

Даже рядом с любимой. Как она красива, его, вся его Анаит!..

И снова думалось о том, что происходило на Кавказе, в особенно близких ему, родных сердцу местах.

В Армении, в Грузии все более разгоралась борьба за Советскую власть.

Совсем недавно, в сентябре 1919-го, Кавказский краевой комитет провел в Эривани совещание большевистских организаций земли армянской; сейчас готовилась первая их конференция, которой предстояло избрать Армянский комитет РКП(б) и поднять массы на свержение правительства дашнаков, на утверждение власти Советов.

В Александрополе, Карсе, Зангезуре, Аштараке, Дилижане вели работу преданные товарищи-коммунисты. Прокатывались политические забастовки, демонстрации, митинги, в некоторых местах они сопровождались даже выступлениями вооруженных рабочих и крестьян. Революционный подъем ощущался во всем Закавказье. Доходили вести о крестьянских волнениях - и в его Джавахке тоже.

Но как труден каждый шаг и сколько сил потребуется, чтобы пришла на многострадальную землю долгожданная свобода! Верно написал в обращении к армянским беженцам комиссар по делам армян Варлаам Аванесов, его непосредственный руководитель и славный боевой товарищ. Разоблачая пагубную для народа Армении политику западных империалистов, он во всеуслышание заявил: "Только советская власть социалистической России братски разделяет страдания и раны армянского народа... только победа Красной Армии разобьет общего врага, откроет перспективу столь необходимого возрождения и восстановления Армении". Обращение было отпечатано в августе, он даже взял его с собою.

Разве сам он, Терьян, ехал сейчас в такую даль не во имя будущего своего народа?

"Он даже вытащил Верлена, чтобы переводить..."

Поль Верлен издавна был одним из его кумиров. Французский поэт волновал, будоражил и воображение, и чувства. Мотивы Верлена, перекличка сокровенного - в терьяновской "Осенней печали" с эпитафией из удивительного этого француза ("Плач в моем сердце, Как дождь над городом"), в "Resignation" ("Смирении"), тоже навеянном одноименным верленовским, во многих и многих его стихотворениях.

Будем друг к другу добры,
Будем полны участия,
Не вспомним было поры,
Тянуться не станем к счастью.

В жалости догорим,
Даря тепло безутешным,
Огарки сердец отворим -
Мы сироты, мы безгрешны.

Будем любить и прощать,
В душе не тая упрека,
Любовью любви отвечать
Сердечной, а не жестокой.

Будем друг к другу добры,
Не станем мучить и злиться
И, слезы неся в дары,
Их перестанем стыдиться. (пер. А. Щербакова).

Это "Resignation" написано в 1912-м. Тогда он собирался перевести из Верлена многое. Своего знания французского языка Терьяну было мало и потому он подключил к важной для него работе Антарам Мискарян, кстати, подарив ей верленовские "Избранные стихи" в оригинале. "Милой Антеньке на добрую память. В.Т. 9.XI.911 г. Москва" - так написал он на титульном листе томика. Она уехала на каникулы в Царицын и там, за лето, сделал подстрочный перевод всех стихов этой книги на русский. Много лет спустя Антарам Минаевна рассказывала: "Когда летом 1912 года я подстрочно перевела Верлена, Ваан очень удивился, что я так скоро успела это сделать. А получилось так потому, что я почти не общалась с молодежью, которая постоянно бывала у нас дома. Я уходила в свою комнату. За это меня стали называть ведьмой, шутливо говоря, что я в эти моменты уединения летаю на шабаш. Никто не знал, что в это время я занимаюсь переводом стихов Верлена".

Антарам - натура в моих глазах необыкновенная. Как истинный друг, она жила в мире чувств Ваана, была настроена - всегда настроена - на волну тревожной его жизни. В подмосковной деревне Супоньево, куда после замужества с давно ее любившим Владимиром Морозовым "Антя" переехала в 1918-м, она, продолжая вести дневник, **27 декабря 1919 года** записала: "Видела во сне, что Ваан умер". Ее друг тогда и впрямь умирал в Оренбурге - никаких надежд на выздоровление уже не было.

...На столике в купе международного вагона лежала раскрытая книга французских стихов и тут же тетрадка с переводами, сделанными год тому назад хорошей, мечтательной, поэтической юной армянкой.

Терьян настраивал себя на творчество. А пока читал Анаит то свое, то Верлена.

Поезд увозил их все дальше от Москвы.

Кружи нас, корчма-карусель...

В котором часу они выехали из Москвы - свидетельств нет. Когда точно к Самаре подъехали - неизвестно тоже. Можно было бы, наверное, разложить перед собою расписания тех лет, вчитаться в петит и непарель строчек, заняться расчетами-подсчетами, но... какой в этом прок?

"25 октября выехали..."

"27 вечером были в Самаре..."

Задерживаться здесь Терьян не собирался. Остановка тем не менее оказалась неизбежной: прямого сообщения с Ташкентом Самара еще не имела.

"Нужно было в Самаре либо получить отдельную теплушку, либо присоединиться к кому-нибудь..."

Для того, чтобы все это сделать, требовались дни.

"Остановились в гостинице (Борис Галунов) ..."

Анаит Шахиджанян набрасывала лишь сухую хронику их с Терьяном поездки. Ей важен был **надежный остов**, важна была **фактическая основа** будущих **развернутых** воспоминаний. Детали она собиралась расшифровать "со временем". Но для такой работы, таких скорбных страниц не одно только

время надобно. Где силы, где мужество взять, чтобы снова пережить то, однажды уже пережитое? Листы, исписанные черными чернилами, остались в семейном архиве единственными, что она о тех днях написала. После смерти матери, последовавшей в 1950-м, Нвард во всяком случае не нашла более ничего. До конца жизни Анаит не могла, не находила сил вернуться в самую черную для нее осень, самую страшную зиму. Можно ли упрекнуть ее за это?..

Но кто такой Галунов? Почему стоит эта фамилия сразу после упоминания о гостинице?

Единственным человеком, попытавшимся ответить на вполне естественные вопросы будущих биографов Терьяна, оказался Погос Макинцян, его друг и литературный единомышленник, известный в свое время критик, которому поэт посвящал стихи о самом сокровенном. Так вот, по Макинцяну (Терьян называл его Паоло), Борис Галунов был соучеником Ваана по гимназии - то ли еще в Тифлисе, то ли уже в Москве (при Лазаревском институте восточных языков существовали гимназические классы).

Не виделись они с давних пор. Тем более приятной была их встреча в Самаре. Галунов, как выяснилось сразу, имел отношение к гостинице: пребывал то ли управляющим, то ли комендантом. В **чужом** городе, да еще в **такое** время, да к тому же когда тебя **не ждут**, подобная встреча дорого стоит.

Так Ваан и Анаит поселились в гостинице... Какой?

Когда в Куйбышеве друзья спросили, где мне хотелось бы остановиться, я сказал:

- В гостинице "Националь".

Ответ восприняли как шутку.

- Вы приехали не в Москву. "Националь" - там.

А я не шутил. И старый самарец, который случайно оказался рядом, понял это сразу:

- Такая гостиница, - подтвердил он, - у нас была. - И тут же внес ясность: - Сейчас она называется "Центральной"...

Вот так, многие десятилетия спустя, оказался я в гостинице, где некогда жил Терьян. И даже на том же самом - четвертом - этаже. Может даже в их номере?!

Степень ценности воспоминаний различна. Есть среди них настолько важные, что без них биографии выдающейся личности не выстроишь, того или иного этапа ее жизни себе даже не представишь. Есть и другие - скромные-прескромные, ничего "особенного" не содержащие, написанные на склоне лет или, во всяком случае, уже в "зрелом возрасте", человеком, которому вспомнился вдруг эпизод из далекого детства. Домысел - вольный или невольный - прорывается иногда на страницы, оттесняя истинно главное, доподлинно пережитое. Но можно ли позволить себе отмахнуться от того, что сохранила несовершенная память? отказать в доверии человеку, который из лучших побуждений (а отнюдь не из желания "выделиться и покрасоваться" рядом с великим) взялся за перо много лет спустя? Отмахнуться тем более тогда, когда перед тобою **единственное свидетельство**, касающееся **существенного** эпизода в биографии большого человека?

Борис Галунов воспоминаний о жизни Ваана Терьяна в Самаре не оставил. Не оставил их и никто другой. Несколько строк в записях Анаит - и это все? Нет, есть еще заметки Гранта Мирзаянца - тогда, в 1919-м, совсем мальчишки. Составители мемуарных сборников от них отказываются - "несерьезно..."; биографы на них не ссылаются - "что может запомнить

ребенок..." Мне их показала и разрешила использовать Нвард. А потому, грозя навлечь на себя гнев исследователей-ортодоксов, я все же впускаю самарского мальчишку в тот гостиничный номер, ввожу его в это непридуманное свое повествование.

Вспоминает Грант Мирзаянц

Холод хватал за нос и щеки, спирал дыхание и сквозь легкую карточку, заменявшую мне шубу, пробирал до костей. Провожая меня из дома, отец заботливо укутал шарфом мои уши, нахлобучил кепку до самых бровей и в десятый раз повторил, куда и как мне идти, что говорить и как себя вести. Несмотря на свои двенадцать лет, я чувствовал себя взрослым человеком и от всех наставлений отмахивался: "Да, ладно уж, что я не знаю, что ли... Не маленький!"

Я шел по пустынным улицам Самары, гордо выпятив грудь, с сознанием собственного достоинства. Мой путь лежал в гостиницу "Националь", где остановилась со своим мужем поэтом Терьяном давняя знакомая нашей семьи Анаит Шахиджянян. Приезд Анаит и ее мужа в Самару был неожиданным. Известный армянский поэт Ваан Терьян - и Самара 1919 года, голодная и холодная - казалась всем резким контрастом.

Мало кто в двенадцать лет любит стихи, который учителя заставляют учить "на зубок". Тем более - мальчики. Не был исключением и я. Но брусковская антология "Поэзия Армении" стала моей любимой книгой. И я ее читал и перечитывал. Недетскими слезами плакал над стихами о злой доле армянского народа, грустил о родных краях, которых никогда не видел, но любил всем сердцем. Стихи Терьяна рисовали передо мною картину села, затерянного в горах, ясную свежесть утра, стада, пасущиеся по склонам гор.

"Увижу самого Терьяна!" - вот о чем думал я, идя к гостинице "Националь". В моих глазах он был велик и красив, как велики и прекрасны были его стихи.

...Стучусь в дверь номера на 4-м этаже. Получив разрешение, вхожу. Здравуюсь. Снимаю кепку, разматываю шарф и называюсь: Грант Мирзаянц. Анаит - прелестная блондинка с пенсне на милом носике - быстро стаскивает мою "шубу на рыбьем меху" и ведет меня к "буржуйке" погреться. "Бедный мальчик, замерз" - говорит она, и я ей бесконечно благодарен.

На меня с интересом смотрят и Терьян, и Анаит, а я рассматриваю их с простодушным восхищением. От них веет дружеским участием. Вот он, любимый поэт! Высокий, немного сутулится... смуглое, строгого рисунка лицо освещено взглядом внимательных, задумчивых глаз, темные волосы красиво зачесаны назад. Сухоощаая, плечистая фигура, красивые руки - все это гармонирует с лицом.

Пока я излагал цель своего прихода и передавал приглашение, Анаит налила мне стакан чая, поставила на стол тарелочку с хлебом, конфеты. Она угощала меня с таким радушием, что я даже не помышлял отказываться. Меня спрашивали об учебе, о родных; я был горд, что и меня считают "взрослым". Расхрабрившись, спросил Терьяна: "Что вы сейчас пишете?" И добавил: "Я так люблю ваши стихи". Он некоторое время помолчал, вздохнул и ответил: "Пока ничего, дружок. Я немного нездоров".

Около часа провел я в их номере, азартно рассказывая о нашей жизни, о рыбалках, катанье на лодке; обещал даже лихо прокатить моих новых знакомых

на шлюпке, весною. Терьян слушал меня с улыбкой и заверил, что как-нибудь еще побывает в Самаре.

Когда все тема для разговоров были исчерпаны и далее оставаться стало неудобно, я начал собираться. Надел все свое облачение и, обратясь к супругам, спросил - когда они придут к нам. Анаит сказала: "как только муж поправится". Обняв меня за плечи, она спросила: "Как ты дойдешь? Такой холод!" "Я не мерзляк", - ответил я гордо и, попрощавшись, вышел.

Домой я летел как на крыльях...

...Несколько дней спустя свой визит повторил, уже по собственному, личному почину. Меня тянуло в номер с "буржуйкой", где жили люди, которых полюбил. Приняли меня как старого знакомого. Шутили, смеялись. Терьян был весел, а я - горд и счастлив. Мне разрешили посмотреть книги на письменном столе. Увидев словари, французские и немецкие, спросил, для чего они нужны. Терьян ответил, что для переводов: думает кое-что перевести на армянский.

...В следующий раз дружеский прием был омрачен предстоящей разлукой. Почувствовав себя лучше, Терьян решил ехать дальше. Видя, что оба они заняты, я заторопился. Терьян погладил меня по голове и сказал, заглянув в глаза: "Хорошо, что ты любишь армянскую поэзию, литературу. Читай как можно больше и русских классиков, классиков мировой литературы. Прощай!"

...Тридцать лет спустя мне удалось засвидетельствовать свое почтение вдове любимого поэта - Анаит Александровне. Вспомнили Самару, голод и холод 1919 года. Светлый облик поэта-революционера, отдавшего свою жизнь делу народа, встал передо мною словно живой. Я решил изложить свои воспоминания и здесь передал то, что сохранила о Терьяне память сердца.

Он мог быть не точен, мог преувеличивать свое тогдашнее понимание Терьяна и армянской поэзии, не дословно процитировать слова поэта, позволить себе определенную "книжность" - писал человек с высшим образованием, степенный работник управления сельского хозяйства в Пензе, всегда помнивший, что встреча в Самаре была и, при первой же возможности, навестивший Анаит в Москве; это произошло незадолго до ее смерти. Писал, подчеркну, не для печати, не для самовосхваления - по велению совести. Не будем же от заметок его отмахиваться. Они **есть** и спасибо их автору, тогда совсем еще мальчишке. Грант Мирзаянц был у Терьянов, был здесь в "Национале", может в том самом номере, в котором остановился я. Остановился - и с первой минуты думаю о поэте, о днях и ночах, проведенных им и его любимой в комнате с "буржуйкой"...

Здесь жил Терьян. Цитирую его самого: "Можно быть гениальным писателем, композитором, математиком и бездарным **человеком**. Можно ни к одной области наук и искусств не иметь способности, но быть **гениальным человеком**. Талантливые писатели украшают литературу, талантливые люди украшают жизнь".

Мне сладко в соседстве твоём...

С ним была Анаит, его живая, трепетная любовь, которая раскрывалась перед Вааном с каждым днем полнее.

Не ей писал он то, что читаю я сейчас, перечитываю снова и снова. Написано это в давнем, 1915 году в письме к Марте, - как оно искренне и как много говорит о глубине его натуры!

"...Я хорошо знаю, что душа человека стыдливей его тела, а то, что Вы назвали скрытностью, я бы хотел назвать стыдливостью души".

Читаю, а передо мною Анаит и Ваан. Умудренный жизнью, но такой хрупкий, такой ранимый во всем, что касается чувств, поэт и - самоотверженно шагнувшая за ним, доверившая ему себя всю целомудренная и смелая армянская девушка.

Мне сладко в соседстве твоём,
Желанную слушаю речь...

Переводить Терьяна труднее трудного, и поистине прекрасный подвиг совершили те, которые взяли на себя заботу об интерпретации его стихов на языке Пушкина и Блока.

Валерий Брюсов, Анна Ахматова, Всеволод Рождественский, Николай Чуковский, Вера Звягинцева, Елена Николаевская, Татьяна Спендиарова... Как много сделано ими, чтобы нежный и пламенный сын Армении предстал в томе основанном Максимом Горьким "Библиотеки поэта", ее "Большой серии"!

Ваан Терьян. Стихотворения. "Советский писатель" (Ленинградское отделение). 1980... Триста шестьдесят два стихотворения, тридцать переводчиков, и среди них удивительно талантливых, ощущения же **завершенности работы** нет. К Терьяну русские поэты будут обращаться нескончаемо.

Жеманную слушаю речь...

Жеманная речь, жеманство вообще были ему неприятны.

Терьян был искренен и неискренности не терпел.

"Знайτε лишь - мое сердце отвечает двойным приветом на привет искреннего сердца..."

Могло ли быть ему "сладко" в соседстве жеманницы? Не могло. У поэта в стихотворении смысл иной и слово иное. А отыщешь его только тогда, когда отчетливо представишь, где это **явно автобиографическое** рождено, при каких обстоятельствах, с кем рядом.

И напроць уйдет, улетучится наваждение "жеманной речи"...

У каждого поэта есть свои, излюбленные образы.

...Кружи нас, корчма-карусель,
Баюкай, баюкай вино! -

и "Карусель" из цикла "Золотая сказка" 1908-1912 годов:

Ты кружись, ты кружись, карусель, -
В песне прошлого горечь и хмель...

Не может ли стихотворение раннее стать - пусть в малейшей степени - пояснением этому? Ну, хотя бы образу "карусели"?

... Клятвы, ласки - в огне голова,
Опьяняет нас музыки звук.

Лжем ли мы, или - наши слова?
Мы ли - мир ли распелся вокруг?

Ты кружись, ты кружись, карусель, -
В песне прошлого горечь и хмель.

Нам мерещился, солнцем согрет,
Край желанный в далекой дали.
Улыбнулись, блеснули - и нет,
Нет их, грез, - отошли, отцвели.

Стоны, жалобы, злая печаль...
Ты ли плачешь, иль мир зарыдал?
Сон затмился, обманчива даль,
Наш восторг - равнодушием стал.

Ты кружись, ты кружись, карусель, -
В песне прошлого горечь и хмель... (пер. Т. Спендиарова).

Мне думается, что мысль об этом определенного смысла не лишена.

"Классные вагоны почти не шли Туркестан, и мы ждали..."

Ожидание, конечно, томило. Командировка была срочной, каждый потерянный день тяготил.

Иногда ходили по Самаре. Смотрели, наверное, на Волгу. Осень, однако, уже давала о себе знать, пронизывала холодом и сыростью.

Именно Галунов, всех в городе знавший, мог распространить известие о том, что в "Национале" Терьян, и к нему потянулись здешние и приезжие армяне. По всей России, по всему свету разбрелись соотечественники. В Самаре он не видел такого, как в Астрахани 1918 года: беженцы там обитали прямо на улицах, положение их было прямо-таки катастрофическим. Нет, в этом городе людей и устроили, и обогрели. Но в любом случае горька участь человека, лишённого родины... Его командировка ради того, чтобы этого не было, чтобы поскорее восстановилась полная справедливость. Так можно ли ждать?

Не раз, не два обращался он к местным властям, и все по одному и тому же поводу - отъезда, отправки, следования вперед.

Обращался лично.

Обращался вполне официально - письменно.

Начальнику Военных Сообщений
Члена ВЦИК В. Терьяна

Заявление

Будучи командирован Народным Комиссариатом по Иностранным Делах в Ташкент для дальнейшего следования на Восток (в Турцию и Персию) с **весьма срочным и важным** поручением, я по болезни был вынужден сделать остановку в Самаре. В настоящий момент желая продолжать свой путь, прошу Вас предоставить мне (на двоих) купе **в первом же классном вагоне**, который вами предложен к отправлению в Ташкент. Крайняя срочность и чрезвычайная

важность возложенной на меня ответственной задачи дает мне право надеяться, что настоящее заявление будет рассмотрено Вами немедленно и удовлетворено вне всякой очереди.

Член ВЦИК В. Терьян

20 окт. 1919 г.

Нигде, ни при каких обстоятельствах не позволял он себе потрясать мандатом, когда речь шла о личном, лично его касавшемся.

Ни тогда, когда нужно было вызвать врача или раздобыть жизненно необходимое лекарство. Ни тогда, когда требовалось получить пусть скудный, но паек, или завезти хоть немного дров.

Но о долге члена ВЦИК Терьян помнил всегда.

Здесь мой читатель, нужна - прямо-таки необходима - остановка. Заявление вызывает раздумья.

Во-первых, это единственный известный нам реальный документ, в котором **самим Терьяном** сказано о конечной цели его поездки: не Ташкент, но Восток далекий, зарубежный, чужой - Персия, Турция. Вот оно, подтверждение слов Нвард о документе, который был напечатан на шелку и вшит в подкладку пиджака ее отца!..

Далее. Когда заявление писано? Но ведь дата обозначена - 20 октября... Дата-то есть, а можно ли ей верить? Двадцатого числа указанного месяца они были **в Москве!** Собирались выезжать, ждали возможности выехать, однако до отъезда оставалось еще немало дней... Впрочем, разумеется, такую бумагу не заготовишь - к чему? что толку? Не октябрь, а ноябрь? Описка возможна, но дело в том, что 20 ноября Терьяны находились уже в военно-санитарном поезде, следовавшем в Туркестан, и ничего такого писать не приходилось. Так когда же документ появился? Уместнее предположить, что в первые дни по приезде в Самару. Я думаю о 29-м или 30-м октября - могла быть описка в одной единственной цифре. Споря с самим собою, выдвигаю одну версию, так сказать "резервную": к датировке по новому стилю тогда еще не привыкли и Терьян мог поставить под заявлением дату по старому. 20 октября старого стиля это 1 ноября нового. (Не привык Терьян и к новой орфографии. В подлиннике заявления, прочитанном мною в Музее литературы и искусств Академии, где хранится личный фонд поэта, - можно видеть и "ять", и "і"...). Так или иначе, обращение было реальным именно в первую неделю самарского сидения. Ссылка на болезнь, как причину остановки, могла быть и уловкой, и... совершенной правдой. В дальний, тяжелый путь пустился он, не оправившись вполне от болезней, которые так ему досаждали в 1919-м, и не было на начальном этапе дороги разве что обострения. ("Первые дни он чувствовал себя недурно...").

Заявление категорично: "**Крайняя срочность и чрезвычайная важность** возложенной на меня **ответственной** задачи..." Так Терьян прежде никогда не писал. Поручение Наркоминдела, правительства, ЦК представлялось ему сложнее всех, которые приходилось выполнять когда бы то ни было раньше.

Да, важный это документ, хотя и касается, казалось бы, "частного" вопроса о выделении купе в классном вагоне. Он гораздо важнее, чем мои гадания об истинности проставленной в конце даты.

Член ВЦИК Ваан Сукиасович Терьян рвался дальше.

"31-го был у Фрунзе..."

Тогда, в ту суровую военную пору, "визиты вежливости" считались излишними. К Фрунзе Терьян наверняка шел опять же насчет выезда своего в Ташкент.

... В 1956 году, когда Нвард Ваановна впервые опубликовала полный текст записок своей матери, еще жив был Сергей Аркадьевич Сиротинский, коммунист с апреля 1917-го, бессменный адъютант М.В. Фрунзе и самый близкий из его помощников на протяжении всего периода военной деятельности Михаила Васильевича, то есть с 1918 по 1925 год. Впоследствии он посвятил Фрунзе и статьи, и книги. Последняя из них - "Путь Арсения" - вышла тогда же, в 1956-м. Год спустя Сиротинский умер и... расспросить его о визите Терьяна мы теперь не можем.

Но не станем падать духом. Вчитаемся в воспоминания тех, кто встречался с Фрунзе в Самаре, прочтем написанное Сиротинским и другими: с их помощью можно попытаться **воссоздать** и обстановку и, по возможности, самую суть встречи.

Обстановка, как описал ее М.Я. Сараев, командир отряда рабочих-добровольцев, была такой: "...Он (штаб Фрунзе - Л.Б.) помещался в большом двухэтажном каменном здании напротив городского театра. На первом этаже налево - приемная и кабинет командарма. Вхожу в приемную. Большая светлая комната, у стен - стулья; между ними - несколько небольших столиков. Перед окном, около двери кабинета, письменный стол адъютанта. За ним сидит товарищ Сиротинский. Он сразу узнал меня..."

Узнал **Сараева**. Терьян, конечно, был ему незнаком, скорее всего даже неизвестен. Впрочем, договоренность о встрече состоялась, вероятно, до визита.

Тот же М.Я. Сараев о первых впечатлениях своей встречи рассказывал: "...Большая светлая комната прилично обставлена. На стенах географические карты, усеянные синими и красными флажками. Посредине большой письменный стол. За столом сидел Михаил Васильевич в гимнастерке защитного цвета. Волосы острижены под бобрик, небольшая темно-русая бородка, синие ласковые глаза..."

Дополнял Сиротинский:

"...Фрунзе, внешне производивший на многих впечатление мягкого человека, таил в себе железную волю. Его спокойствие и выдержка соединялись с пронизательной оценкой противника и чрезвычайно тщательной подготовкой каждой операции. Выбирая направления для главного удара, Фрунзе быстро и в глубокой тайне сосредотачивал в намеченном районе подавляющие силы. Он переходил в наступление в момент, совершенно неожиданный для противника..."

"...В 1919 году, когда на Восточном фронте под натиском Колчака наши войска откатывались назад, когда почти не было резервов, Михаил Васильевич в самый короткий срок сумел провести большую кампанию по собиранию рабоче-крестьянских сил для защиты Волги. Самарский район был превращен в укрепленный район. Тов. Фрунзе сумел вовлечь в дело строительства вооруженных сил все партийные, профсоюзные и советские организации бывшей Самарской губернии. Это умение сочетать чисто военную работу с политической мы наблюдали и в Туркестане..."

Стоп! Назначенный еще 15 августа командующим войсками Туркестанского фронта, а непосредственно перед встречей с Терьяном членом комиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР по делам Туркестана, Фрунзе **сам**

готовился к выезду в **Ташкент**, чтобы там, на месте, возглавить все операции по ликвидации басмачества и армии эмира бухарского.

Ташкент стал точкой пересечения высших интересов Полководца и Поэта, двух коммунистов и бойцов за Советскую власть, двух призванных Революцией на новые для них фронты: Фрунзе - военный, Терьян - политический. О полноте взаимопонимания, установившегося между ними, можно догадываться.

Одногодки, больше того, чуть не в один день родившиеся, были они людьми широчайших, разносторонних интересов. В камере смертников Фрунзе тренировался в чтении без словаря английских книг и одновременно изучал итальянскую грамматику; его привлекал французский язык; в меру возможностей читал классическую и новую прозу, современную и минувших веков поэзию. Попадались ли ему стихи Терьяна? Возможно и попадались. Романисты могли бы придумать в сцене встречи нечто связанное и с терьяновской поэзией (тем более, что уж Валерий Брюсов Михаилу Васильевичу был известен наверняка). Но я не романист и **придумывать** ничего не собираюсь.

Кому-кому, но Фрунзе Терьян безоговорочно раскрыл истинную цель труднейшей своей командировки. Не для "светского суесловия" ехал он в опаснейший - для него особенно - Восток, в Турцию, которая принесла столько горя, мучений, слез его родному народу. Геноцид армян в Османской империи, начавшийся 24 апреля 1915 года, стоил полтора миллиона жертв и никогда забыт не будет. Но могут быть и новые реки крови. Не допустить их - вот его задача. Его - сына и поэта своего многострадального народа. Его - уполномоченного Советской власти, посланца Ленина.

Два года спустя, как раз в такие же осенние дни Фрунзе сам окажется в Турции: поедет туда в качестве главы чрезвычайного посольства Украины, и не раз, наверное, вспомнится ему в те три месяца самарский его собеседник Ваан Терьян, до Турции не доехавший.

...Видите, я уйду от любых диалогов, от всех возможных описаний их встречи. Разговаривали они наедине, ни Терьян, ни Фрунзе, умерший в 1925-м, письменных воспоминаний не оставили. Несколько слов в записках Анаит Шахиджаниян: "31-го был у Фрунзе" - вот все, что мы знаем.

Но вдруг захотелось дать слово другому выдающемуся армянину - полководцу гражданской войны Гаю. Пусть о Фрунзе скажет он - и за себя, и за Терьяна. Послушаем, что исторгло сердце Гая при вести о неожиданной, безвременной утрате:

- Его любила, - мало любить - его обожала Красная Армия Восточного фронта. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием... Природа одарила Фрунзе громадным умом, гигантской волей, личным мужеством и той редкой простотой, которая свойственна только вождям масс... Где бы он ни был - в рядах ли наступающих цепей с винтовкой в руке, на мосту ли через реку Белую, под Уфой (там и был ранен), или в кабинете наркомвоенкома в Москве, - он всегда оставался простым, пленял, одушевлял и вызывал энтузиазм среди своих подчиненных...

Наверное, они могли еще встретиться в Ташкенте; может и распростились с таким именно пожеланием. Не суждено было: смерть подстерегала Терьяна на полпути, в Оренбурге.

Из хроники жизни и деятельности Михаила Фрунзе:

- 11 октября 1919 года. М.В. Фрунзе докладывает Реввоенсовету Республики и В.И. Ленину об открытии сквозного движения по линии Оренбург-Ташкент.

Но не от Самары начиналась эта линия. Добраться до Оренбурга оказалось совсем не просто - даже при посредстве командующего фронтом.

Сам он ехал до Ташкента **месяц**.

День посещения Фрунзе стал для Терьяна днем больших впечатлений. По собственной инициативе (или по приглашению местных работников) оказался он и на заседании губисполкома.

Председателем губернского исполнительного комитета был Галактионов Алексей Петрович - еще сравнительно молодой, едва перешагнувший за тридцать лет, человек, но уже старый, с 1906-го, партиец. Родился и рос он в крестьянской семье, сызмала стал на рабочую стезю, с юности включился в революционную борьбу и уже в семнадцатом возглавил Самарский военно-революционный комитет. Довелось Галактионову и сводным против дутовцев полком командовать, и Самару от белочехов оборонять, и военкомом боевых дивизий сражаться. Теперь он находился на ответственнейшем посту руководителя Советской власти губернии, и какой обширной, какой важной.

О Галактионове, как и о Фрунзе, Терьян был достаточно наслышан уже в Москве. В феврале девятнадцатого с ним беседовал Владимир Ильич. Разговор шел главным образом о хлебе. С полномочиями особоуполномоченного ВЦИК возвращался Галактионов на Волгу, чтобы усиливать, расширять заготовки его для Красной Армии, Москвы, Петрограда, других промышленных центров. Сейчас стояла глубокая осень, а накал хлебозаготовок не спадал. На заседании речь шла прежде всего об этом. Терьяну дали прочесть письмо губкома партии к волостным и сельским ячейкам - только что разосланное, октябрьское: "Ячейки должны развивать самую усиленную агитацию за подвоз хлеба к ссыпным пунктам, разъясняя крестьянам, что утайка хлеба является величайшим преступлением перед голодающими братьями - красноармейцами и рабочими... Ячейка, не выполнившая этой задачи, будет преступником перед нашей партией и международной революцией". Поэта взволновали самые что ни на есть обыденные для этих мест факты: крестьяне делились с голодающими детьми Москвы и Питера своим, кровным, им самим нужным. Из Большой Глушицы (где она?), из Дмитриевки (есть ли на карте?) детям Петрограда (что они им, казалось?) ушли в последние дни в центр 476 пудов пшеницы и 430 пудов сухарей. Может быть только тут он, Терьян, впервые так ощутимо почувствовал напряженное биение пульса новых, Октябрем рожденных, отношений в огромной, необъятной этой стране - его стране... Советской России...

Вопросов в повестке заседания губисполкома было много. Самых различных вопросов: о восстановлении производств, о преодолении разрухи на транспорте, о топливе, школах, больницах...

Анаит отметила: "возвратился поздно вечером". Но мне представляется, что не мог Терьян сразу отрешиться от впечатлений этого напряженного дня. Больше того, мне даже слышится его рассказ - увлеченный, страстный.

...- Как он говорил! Настоящий трибун! Галактионов - бо-о-льшая сила... Обязательно расскажу в Москве об этом заседании. Люди обходились без лишних слов, высказывались прямо и определенно: лучшие силы - на фронт, в тылу - высшее напряжение. Сегодня ушли воевать еще четыреста

коммунистов и комсомольцев. Подумай только, какое решение пришлось принять: "не посылать на фронт товарищей моложе семнадцати лет". Семнадцати!.. Но разве удержишь? Я видел совсем юных - они шли в одном строю с отцами, дедами...

- Фрунзе сказал мне: с таким народом нельзя не победить. Так говорил и Ленин. Губисполком решил работать на всех заводах с утра и до ночи, без выходных дней, наладить всеобщее военное обучение, собрать для красноармейцев теплую одежду. Это предложили сами рабочие. А знаешь, чем заседание закончилось. Все отправились на ночной субботник - ремонтировать железнодорожные пути. Я, конечно, пошел бы тоже. Но Галактионов потребовал уйти. Нездоров, говорит... Пришлось подчиниться. Жаль!

Анаит чувствовала: Терьян готов окунуться в гущу самарских революционных дел. Но разве то, что поручено ему, для революции менее важно, менее дорого?.. А он и впрямь болен - правильно определил этот человек, председатель Галактионов.

"...возвратился поздно вечером и был уже с температурой..."

Пьян, пьян я, томит меня хмель,
Беспечный, сползаю на дно.
Кружи нас, корчма-карусель,
Баюкай, баюкай, вино!

Я вижу Терьяна за письменным - и единственным в номере с "буржуйкой" - столом.

Что на нем?

Наброски вот этого: "Пьян, пьян я..." И тут же - Верлен...

Письмо в Наркоминдел - оно, впрочем, могло быть, могло и не быть.

Эпистолярное наследие поэта - деловое и личное - собрано лишь частично. В трехтомнике произведений Терьяна есть только несколько выдержек из самарских его писем.

"Будь благословен Октябрь, который вселяет столько воодушевления даже в таких инвалидов, как я". Это - к Александру Мясникяну.

"Я себя чувствую озаренным светом, как, по-видимому, чувствовали себя первые христиане..." Это из другого письма - к лицу неизвестному.

Он болен. Но дух его бодр, жизнь, полная борьбы, придает сил, увлекает, пьянит.

Рядом с ним, всегда рядом Анаит. Волнующаяся за него, страдающая оттого, что страдает он, заботливая и нежная во всем.

"Жеманную слушаю речь..." О нет, такой человек не может быть жеманным. Точнее выражена его, поэта, мысль в другом переводе, менее совершенном, но в этом месте, пожалуй, более правильном:

Я опьянен, опьянен...
Укачивай нас, карусель...
Как сладко сидеть мне с тобой,
Смеяться словам твоим детским...

Детским!

Она много его моложе. Она **непосредственна** в чувствах и речах. А жеманства нет, "жеманство" - слово здесь чужое.

Гостиница не отапливалась, через щели в окнах проникал холод. Не многим мог помочь Борис Галунов: занесет самую малость того, что можно пустить в "буржуйку", на какое-то время станет теплее, а потом опять набрасывается осенняя промозглость улиц.

Просить о помощи Ваан запрещал.

Ни слова жалобы не услышали от Анаит случайно встреченные ею земляки. Они были знакомыми семьи Шахиджян еще на Каспии, в Дербенте. В Самаре эти люди жили уже довольно давно. Даже свадьбу тут успели сыграть - старшая дочь, Маргарит, вышла замуж за приехавшего из Оренбурга Константина Оганяна.

- Я в это время жила с родителями в Самаре, - вспоминала полвека спустя младшая сестра Маргарит Анаит Арутюновна. - Хорошо помню, как однажды наш отец Арутюн Векилян, придя с базара, рассказал, что встретил дочь дербентских Шахиджянов. Из разговора с ней он узнал, что Анаит с мужем, поэтом Вааном Терьяном, держит дальний путь. Отец знал и любил стихи Терьяна, сам пробовал свои силы в поэзии и даже печатался в газете "Мшак". Стихи он подписывал псевдонимом "Гариб-тха" - "Мальчик-странник". Есть у нас песенник "Соловей Армении"; это том четвертый, изданный в Баку в 1878 году. Там стихи Арутюна Аламдаряна, Рафаела Патканяна и многих других. А вот и "Гариб-тха"... У отца был целый чемодан его рукописей, но переезжать нам пришлось много и во время странствий бумаги терялись, пропадали.

- Узнав от Анаит, что в Самаре Терьян, - продолжала рассказчица, - отец выразил желание встретиться с ним, поговорить. Приглашал к нам, предлагал помощь. Но Анаит ответила, что Ваан болен и разговор может ухудшить его состояние. Настаивать не стал - не позволила деликатность. А все-таки, на всякий случай, записал и вручил молодой женщине оренбургский адрес старшей дочери. Дорога на Ташкент вела через Оренбург и мало ли что могло случиться. Так и распростились...

Пусть злой меня жребий настиг,
Бездомный, сражен я, сражен,
Все ж бьется в горячке мой стих.
О, длись этот сон, этот сон...

Простуда не отпускала, нездоровье, слабость удручали. Можно ли в таком состоянии продолжать свой путь дальше? Выжидал, пока перестанет колебаться температура, мучить головная боль, донимать кашель. Из гостиницы не выходил: только бы поскорее выздороветь и ехать...

Вторую годовщину Октябрьской революции Терьян праздновал в Самаре. Праздновал вдвоем с Анаит. Не в строгой, подтянутой и в то же время радостно возбужденной колонне, не в шумном песенном застолье - в тихом, неторопливом разговоре о жизни. Вспоминались 1917-й, его ноябрьские дни, выступления до хрипоты в голосе на митингах в разных концах Петрограда, Ленин в Смольном, потом их разговор о положении армянского народа, потом, по поручению Ильича, работа над докладной запиской о Западной Армении; на ее основе был принят особый декрет Совнаркома - правительственный документ из самых важных для судеб армян.

Знамя свободы,
Пою я тебя!..

Это им написано - его стихи, его гимн революции. И эти, и эти, и эти:

Встань, демократия!
В радостном буйстве шуми!
Выйди из темных лачуг!
Бурей ночной прогреми!.. (пер. Н. Чуковского)

.....
Разрушайте безжалостно каждым ударом,
Одряхлевшего мира крушите устои!
Не оставьте и камня на камне! Пожарам
И ликующей смерти предайте бывшее... (пер. И. Поступальского)

.....
Мы будим уснувшего: не дремли,
Ты слышишь набат последнего гнева?!
Воспряньте под радостный гром запева
Вы, вечные труженики земли!.. (пер. В. Звягинцевой).

Из окна гостиницы "Центральная" - бывшего отеля "Националь" - передо мною раскрывается улица. На старая купеческая Панская - совсем другая. Ленинградская... Улица юная, шумная, веселая, как весь этот город сегодня.

Шумной, бурлящей, в красных знаменах была она и тогда, когда с четвертого этажа, из номера с "буржуйкой" смотрели на нее Ваан и Анаит.

"Вызвала врача 8-го ноября (д-р Исаакянц)..."

Доктор-армянин - я цитирую ее, Анаит, заметки - "посмотрел горло и сказал, сто опасность не так велика и через три дня можно ехать дальше".

Еще "три дня"?! Сколько же времени потеряно бесцельно, бесполезно! Когда он при таких темпах начнет выполнять данное ему поручение?!

"Дня три"?.. Анаит была трезвее и думала о другом. Только ли ангина у ее Ваана? Болезнь горла коварна, час за часом ослабляет она его, и без того подорванное здоровье. Туберкулез не терпит, чтобы с ним играли такие шутки, требует лечения, тепла.

- Вернемся в Москву, - предложила не без опаски, понимая, что Терьяна это расстроит.

- Деньги потрачены, ничего не сделано и возвращаться с полдороги невозможно, - ответил сразу, решительно (вопрос, вероятно, еще раньше задавал себе и сам).

Дальше, только дальше!

Конечно, ходили и в губисполком, и в штаб фронта, и по его отделам. Но подходящих okazji для следования в Ташкент не было.

И вот наконец:

- Формируется военно-санитарный поезд...

Вариант казался самым подходящим, отправления ждали с нетерпением, каждый день. На обратной стороне воспроизведенного здесь раньше документа

(удостоверение Наркоминдела, датированного 3-м октября 1919 года) я не без труда разобрал помету: "Продукты в дорогу выданы. Самара. 13.XI."

Формирование, однако, растянулось на добрую неделю. Только 18-го ноября Терьяну сказали: устраивайтесь. Супруги отправились на железнодорожную станцию и там, на дальних путях, отыскивали нужный им поезд № 4".

"При посадке был ужасный инцидент с комендантом поезда..."

В чем инцидент заключался мы не знаем, и не узнаем никогда. Строить догадки не стану - незачем. Пусть он останется на совести тех, кто обидел, оскорбил большого и больного человека, выполнявшего задание исключительной важности. Что не понравилось коменданту? Какие слова обрушил он на поэта и его спутницу? И сейчас при мысли об "ужасном инциденте" все закипает во мне, сегодняшнем. Сегодня разве нет уже хамства, нет бездушия, нет той мерзости, которая ноябрьским днем 1919-го больно обожгла Терьяна и Анаит?..

"... всю ночь Ваан был в сильном жару..."

Первую их ночь в вагоне, военно-санитарного поезда, который не отправился по назначению ни восемнадцатого, ни девятнадцатого, ни двадцатого - "выехал только 22 ноября 1919 года".

Мне сладко в соседстве твоём,
Жеманную слушаю речь;
Пусть грудь полыхает огнем
И жизни уже не сберечь.

Ему было худо. Но мысли о возвращении он не допускал и сейчас. Пусть ценою жизни, а поручение выполнит!

Иногда накатывал на него глубокий, даже мрачный пессимизм, Терьян чувствовал как слабеют силы. Страшнее страшного были ночные миражи, которых не могли развеять даже нежные руки подружки.

Мы пляшем под пьяный галдеж,
Как духи скользим меж планет
А завтра в газете прочтешь
"Безвременно умер поэт..."

Умирал поэт, но жил, боролся и рвался в путь полномочный гонец Советской власти. Умереть, не исполнив долга, не имел он права...

Перелистываю расписание движения пассажирских поездов.

...630. Куйбышев - Оренбург. Ежедневно. Отправления с начального пункта - 16.00. Время прибытия в Оренбург - 4.45. Время в пути - 12.45.

Это поезд-тихоход - работяга, который останавливается на каждой станции, каждом полустанке. Другие поезда проделывают тот же путь за восемь-девять часов.

Военно-санитарный поезд с Терьяном и Анаит находился в дороге **три недели**.

Читая воспоминания о Фрунзе, я выделил для себя строки из записок старой коммунистки О.Т. Нестерович, которая в том же, 1919-м, следовала вместе с командующим фронтом в Ташкент.

"На железнодорожных путях шла горячая работа: разбирали запасную линию, шпалы распиливали на дрова, которыми загружали тендер паровоза и понемножку одаривали вагоны, промерзшие насквозь. Трудились все работники штаба, и среди них был Фрунзе. Одетый в бекешу и папаху, он в паре с кем-то из штабных горячо и весело работал пилой. И то, что командующий фронтом наравне с другими испытывал и преодолевал невзгоды тяжелого пути, еще выше поднимало его в глазах людей..."

"Ехали из Самары в Ташкент целый месяц..." - писала та же Нестерович. Но то был поезд особый - в нем следовал Фрунзе.

Ну, а этот, № 4? Военно-санитарный, однако еще резервный, лишь готовившийся к выполнению своих прямых задач?

"Военно-санитарный поезд был без больных и потому весь не отапливался, только два вагона отапливались - персонала и наш вагон. В нашем вагоне были кондуктора и истопники. Днем топили до 22 градусов, а ночью крепко спали и температура доходила до 8-6 градусов... По 3-4 дня мы стояли на маленьких станциях между Самарой и Оренбургом..."

Просто "маленьких станциях" - без названий.

По имени они знали только одну: Бузулук.

Ваан вспоминал его когда-то в своем стихотворении.

Даже стихотворении?!

Да, именно так.

В чудесном лирическом венке Ваан Терьяна есть строки о "принцессе На".

"Принцессе" - и Бузулуке.

Где-то в Бузулуке
Ты сидишь без сна.
Плохо нам в разлуке
Жить, принцесса На.

В городе туманном,
В дальней стороне,
В замке деревянном
Грезишь обо мне.

Не приду под утро
Постучаться в дверь.
Дотянуться трудно
До тебя теперь.

Где-то в Бузулуке
В дальней стороне
Протянула руки
Ты из тьмы ко мне.

Сыростью пахнуло
Утром из окна.

Так и не заснула
Ты, принцесса На.

Цикл, к которому относят это стихотворение составители, условно поименован "Золотой цепью". Название его исходит из воспоминаний Погоса Макинцяна, который свидетельствовал, что Терьян мечтал о книге, собравшей бы воедино "золотую цепь его воспоминаний, ночей и шипов".

Стихотворение "Принцесса На" имеет дату: 1916. На русский перевел его Александр Кушнер, ленинградский поэт.

Но два десятилетия назад русского перевода еще не существовало. Мне же тогда вдруг остро захотелось, чтобы стихотворение узнали не только владеющие армянским, но и русские читатели, особенно в Оренбурге и, конечно, Бузулуке. По моей просьбе (и подстрочнику, который сделала Нвард Терьян) перевод осуществил молодой оренбургский поэт Роберт Козачков. Звучало стихотворение, разумеется, иначе, но смысл, а равно настроение автора, передавало:

О, дальний город Бузулук,
Где ты сидишь одна...
Уж ночь, но ты не спишь, мой друг,
Моя принцесса На.

Мечты твои летят за мной
И сон уносят прочь.
А за бревенчатой стеной
О чем-то плачет ночь.

Тебе, я знаю, нелегко
Одной и в поздний час,
Но так далёко-далеко
Мечта твоя сейчас,

И в дом к тебе мне не войти.
Звучат в душе моей
Слова наивные твои,
Рассказ души твоей.

Уж поднят в небо солнца круг.
Ты все грустишь без сна.
О, дальний город Бузулук,
Моя принцесса На.

В канун восьмидесятилетия Ваана Терьяна перевод вместе с моей заметкой, "интригующе" названной "Загадка "принцессы На", был напечатан в оренбургской газете "Южный Урал". И сразу же привлек внимание, вызвал интерес. Особенно у бузулучан.

Интерес этот выразил автор первого же из полученных мною писем - учитель Петр Степанович Филатов. Отвечая на мое приглашение принять участие в разгадке тайны "принцессы На", он задал **десятки** вопросов:

"Нет ли хотя бы намек на приезд В. Терьяна в Бузулук до опубликования стихотворения?.."

"Какие есть у автора заметки основания утверждать, что знакомство с "принцессой На" состоялось в Москве или Петрограде?.."

"Можно ли утверждать, что слово "принцесса" переведено с армянского на русский точно, или может быть "княжна"?.."

"Не исключено ли, что имеется в виду не романтическое определение девушки или женщины, а родовой титул?.."

На большинство дотошных его вопросов ответить я не мог.

Известно мне было только то, что сообщил в своих комментариях к новейшему тогда армянскому изданию произведений Терьяна составитель его, большой знаток жизни и творчества поэта Ваче Партизуни. А уважаемому профессору, задумывавшемуся над историей стихотворения, удалось найти в одном из терьяновских блокнотов, среди адресов, названий книг и других сведений для памяти, такую запись: "Бузулук (Самарская губ.), Слободская, д. 37, Ната". Героиня стихотворения вполне могла быть той самой Натой с улицы Слободской.

Но отыскать человека только по имени - дело труднейшее. Адрес такой давности существенным подспорьем служить не может. И Филатов, развернув довольно энергичный поиск, вскоре зашел в тупик.

"Найти не удалось ничего и, конечно, уже никогда не удастся", - написал он мне.

Неужто не удастся?..

Как бы ни звачало по-русски:

Где-то в Бузулуке
Ты сидишь без сна...

или

О, дальний город Бузулук,
Где ты сидишь одна... -

в Терьяне это название отзывалось по-своему, так, как могло отозваться только в сердце человека, стихотворение выносившего и родившего.

Не могу исключить, что захотелось ему в пути узнать о судьбе своей давней музы-вдохновительницы, своей живой "принцессы На". Может, спрашивал кого-то из местных, когда оказывались те поблизости... Может, поручал это Анаит... Но узнал ли? Встретились?

Мы об этом ничего не знаем. И достоверно не узнаем, потому что ни Ваан, ни Анаит, ни сама "принцесса" никаких свидетельств на сей счет не оставили.

Не узнаем о загадочной "На" **вообще?**

Сами понимаете, как обрадовался, когда вскоре после получения "пессимистического" письма из Бузулука представилась деловая командировка туда мне самому.

"Как приеду, - решил я для себя, - тотчас же пойду по старому адресу..."

Пошел адрес успел смениться. И не раз. В двадцатые годы Слободская стала Пролетарской, а номер дома - 27-м. Лет двадцать спустя улицу назвали Пушкинской. Уточнилась и нумерация: на доме появилась другая цифра: "25".

Итак, Пушкинская, 25. После выяснения этого - в городском отделе коммунального хозяйства и у различных людей - отправился к дому, адрес которого записал когда-то Терьян.

Большой, вросший глубоко в землю, уже ветхий, деревянный дом с пятью окнами по фасаду... Старый, много повидавший на своем веку, дом... Ему лет сто, может и больше... Тот ли?

Живет в доме семья Манторовых. Люди радушные, гостеприимные, они встретили меня дружески и выслушали с полным вниманием. Прочел стихотворение Терьяна - внимание усилилось. Младшая в семье попросила разрешение переписать: "выучу"...

Но мне хозяева рассказать не смогли ничего. Они поселились тут лет пятнадцать назад. Раньше в доме жили Чикирины. Теперь их в городе нет. Кто жил до революции? Этого, пожалуй, не знает уже никто. Можно, правда, спросить соседей-старожилов, однако вряд ли скажут даже они.

Соседей-старожилов оказалось немало. И все называли только Чикириных. Кто же, кто проживал тут до революции?

Такую справку я смог получить лишь в городском инвентаризационном бюро, где находятся паспорта всех частных владений. Достав соответствующее дело, молоденькая сотрудница сообщила, что в 1898 году дом был записан на имя мещанки Зайцевой Анны Евлампиевны, которая владела им и после Октябрьской революции. До тех пор, пока дом не перешел по наследству к Чикириной Марии Федоровне, ее дочери.

Выходит в то время, когда стихотворение было написано, хозяйкой дома № 37 по улице Слободской являлась Зайцева?..

Искать стало легче: знал уже, о ком спрашивать. Ответы тоже стали определеннее.

"В семье Зайцевых ни Наты, ни Натальи, ни еще кого-то со схожим именем не было..." Так сказали мне старушки Курамшины. И тут же предположили: "А не кто-то ли это из ее постояльцев? Анна Евлампиевна одно время держала заезжий двор, ну а потом, позднее квартирантов пускала".

Курамшины посоветовали обратиться к Субботиным. Снова читал стихотворение, снова рассказывал и спрашивал. Выспросил не многое, но - небезынтересное. У Зайцевой (Субботина помнила это хорошо) в "ту войну" жили беженцы. С Украины, с Кавказа, всяких национальностей, старые и молодые. Была бы тут Мария Федоровна... О, она жива и в полном здравии! Проживает в Куйбышеве, недавно навещалась, возможно приедет в Бузулук еще, и скоро. Ее адрес...

Вот бы встретиться, поговорить о прошлом. По словам Субботиной, ее подруге было в то время лет восемнадцать-двадцать. В таком возрасте человек в курсе всего. Тем более, что речь идет, вероятно, о девушке такого же возраста, может чуть старше. Самому Терьяну тогда едва исполнилось тридцать.

Адрес Марии Федоровны Чикириной-Зайцевой подстегивал: написать... написать...

Вечером вернулся в гостиницу пораньше, чтобы, не откладывая до возвращения в Оренбург, отправить письмо в Куйбышев и попросить скорейшего ответа.

Каково же было мое удивление, когда на столе в номере увидел я записку без подписи, но зато с именами "подруг Чикириной М.Ф. времени 1915 года"! Неведомый помощник-доброжелатель называл Дерюгину, Красикову, сестер Невзоровых, подсказывал, где их искать и как проще найти.

Письмо в Куйбышев я так и не написал. Не потому, что Дерюгина, Красикова и сестры Невзоровы помогли мне решить все загадки. Нет-нет, они только подтвердили известное и уточнили детали. Не стал писать Чикириной, ибо узнал... ее телефон.

И очень скоро состоялся у меня разговор с Марией Федоровной, урожденной Зайцевой. Не сразу поняла она, что ее далекого собеседника занимает. Еще бы - перенестись на столько лет назад! Но когда мне удалось растолковать ей суть дела, почувствовал такую живую заинтересованность, такое душевное участие, что даже... стихи прочел. В трубку, по телефону. Те самые: "О, дальний город Бузулук, где ты сидишь одна... Уж ночь, но ты не спишь, мой друг, моя принцесса На..." Мне показалось, что в эти мгновения и слышимость стала лучшей. Что ответит Чикирина-Зайцева?

- У нас в доме жило немало квартирантов. Правильно вам сказали: много было и беженцев. Само-собой, людей этих не помню. Дела давние, да и память не та. Но девушку одну помню. Моих лет. Красивая, черноглазая. Она приехала с Кавказа. О турках рассказывала, о резне, которую те устроили, о беде своего народа. Отца с матерью эти турки зарезали, а ей удалось спастись бежать. Брат у нее в солдатах был. Добрые люди помогли деньжат на дорогу собрать, ездила их искать. Не помню - то ли в Москву, то ли в Петроград. Вроде нашла. Потом письма к нам приходили. Я видела их сама. Один раз хотела почитать: известное дело, молодые - любопытные. Только написано было там не по-нашему, не буквами, а значками. Подержала и - положила. С год пожила у нас эта девушка, а там и уехала. Уж не знаю куда. Может знала, так забыла...

- Фамилию ее не припомните?

- Нет, мил-человек, выдумывать не стану, а помнить - не помню. Вот имя... Мы ее звали Натальей, Натой... Запомнила потому, что подруга у меня с таким именем была. Она и теперь в Бузулуке живет - Невзорова... Ната Невзорова - может, слышали?

Я подтвердил: да, слышал. Передал приветы от Курамшиных, Субботиных, Дерюгиных, Невзоровых и всех других, с кем свел меня поиск "принцессы На", еще раз поблагодарил за сведения, которые удалось получить, и на том распрощался, обрадованный и взволнованный.

- Поговорили? - с улыбкой спросила меня девушка, принимавшая заказ на телефонный разговор.

- Поговорили, спасибо. - И поинтересовался: - Свои десять минут использовал?

Она рассмеялась:

- Да вы говорили тридцать с лишним. Дежурная приходила: выключать? продлить? Сказала, чтоб не прерывали. Всю ответственность взяла на себя. Это вы у нас вчера были? На Пушкинской? Ну вот, выходит, не ошиблась... Значит все, что вас интересовало, узнали?

...Все ли я узнал?

Узнать хотелось больше. Фамилию Наты, ее историю, ее судьбу... Где и как произошло знакомство с Терьяном...

Со временем, быть может, и удастся какие-то дополнительные сведения получить. Пка собраны не все воспоминания о поэте, не вся его переписка,

подняты и прочтены не все документы. Но разве то, что уже узвано, не проясняет предысторию одного из прекрасных стихотворений Терьяна, которое впервые увидело свет в январском номере "Мшак" за 1916 год?

Годом раньше, в 1915-м, опубликовал он большой цикл стихов "Страна Наири". Цикл этот проникнут любовью и тревогой. Любовь к родной Армении. Тревогой за судьбу ее народа. Терьян вспоминает мать, восстанавливает в памяти картины детства, пишет о родном доме. Отчий дом и слезы матери сливаются в его представлении с истерзанной родиной, ее слезами единокровных братьев и сестер. Поэту больно оттого, что милая сердцу страна тяжело страдает. Но не может он не гордиться упорством, твердостью, непреклонностью тех, кто не щадит жизни, чтобы отстоять "страну Наири". Так называли Армению издревле.

"Неужели есть более несчастный, более многострадальный народ, чем наш народ, и неужели есть более высокое и благородное дело, чем самоотверженное служение этому народу, спасение его жизни, его чести, его светлой веры и надежды?" - спрашивал Терьян в дни, когда империалистическая война еще более усилила опасность физического уничтожения армянского народа кровавыми ордами султана. И сквозь огонь и бури, через тысячи верст и горные вершины посылал сердечный, сыновий свой привет родине.

Именно в это время встретился он - в Москве ли, в Петрограде - с одной из жертв турецкого разгула - девушкой-армянкой, которая, избежав вражеского ятагана и найдя убежище в далеком Бузулуке, приехала разыскивать близких.

Терьян почувствовал ее печаль, проникся ее горем. Девушка завладела его мыслями.

Неожиданная встреча вспоминалась и тогда, когда они расстались.

И вот стихотворение. В нем преклонение перед конкретной, вполне определенной девушкой Натой и, одновременно, перед дочерью милой сердцу "страны Наири", печальной и гордой "наирянской". Первые слоги имени девушки и имени отчизны совпадали на удивление.

...Где-то в Бузулуке,
В дальней стороне
Протянула руки
Ты из тьмы ко мне...

Это стихотворение можно с полным основанием причислить к циклу "Страна Наири" - к нему оно имеет прямое отношение. А ведь были исследователи, которые видели в поэтическом образе "принцессы На" измену Терьяна земле отцов и с рвением, достойным лучшего применения, пытались доказать, что в сердце его не осталось уже места для отчего дома, что само упоминание не армянского города делает поэта чужим для своих соплеменников, навсегда им чуждым.

Ложь! Терьян в неведомом ему Бузулуке разглядел частицу большой русской земли, душевно принявшей гонимых. И не просто к Нате - к тысячам и тысячам обездоленных сестер своих, нашедших убежище под русским небом, среди русских людей, обратился со словами нежности.

Бузулук - маленькая тогда станция, и городок совсем небольшой, глубоко провинциальный. Не гадалось Терьяну, не думалось, что доведется его увидеть. Пусть даже вот так...

В поисках Наты со Слободской исходил я Бузулук из конца в конец.

Город нефтяников, машиностроителей, студентов - приметы нового на каждом шагу. Они в нескончаемой стройке, в пестрой театрально-концертной афише, в группах иноязычных туристов на улицах.

Бузулук вошел в историю гражданской: тут воевал Чапаев.

Вошел он и в летопись второй мировой: здесь формировалась Чехословацкая Народная Армия.

"От Бузулука до Праги" - так назвал свои мемуары генерал Людвиг Свобода. Книга эта - на почетном месте в музее. Там же другие подарки чешских, словацких друзей. Именем близкого их сердцам города назвали они завод, улицы, пионерские отряды. И наградили Бузулук боевым своим орденом - Красной Звезды...

А вот что случилось в день моего отъезда. Проходя мимо, зашел я в ЗАГС и здесь увидел молодую пару. Счастливые родители, оба с завода бурового оборудования, пришли с новорожденной.

- Как вы назвали свою дочь? - спросила их регистратор.

- Натальей, - сказал смущенный отец.

- Натой, - подтвердила юная мать.

Мне стало радостно, будто встретил я ту, которую так долго искал. Ната из Бузулука, крохотная и симпатичная бузулучаночка... Будь счастлива, новая "принцесса На"!..

У меня не было с собой цветов, не было ничего другого, что можно было бы подарить новорожденной. При мне оказался только маленький томик стихов Ваана Терьяна с вложенным в него листком - этим самым стихотворением.

Я подарил его Нате. Вырастет - прочтет.

"По 3-4 дня мы стояли на маленьких станциях между Самарой и Оренбургом. Приходилось рыскать по деревням для добывания еды..."

Только один раз на протяжении всего пути следования появляется на обороте того же удостоверения Наркоминдела помета о выдаче съестного: 9 декабря.

Впервые - 13.XI, в Самаре, вторично - 9.XII, в дороге.

И все. Добывай, где сможешь...

Легла зима, в степях бушевала метель, крепчали морозы.

Терьяна все чаще мучили боли в желудке.

Он видел, сколько горя причиняет любимой, как тяжело отражается на ней каждый день этого бесконечного пути.

Анаит страдала:

"Здоровье Ваана ухудшалось..."

Единственной надеждой представлялся Оренбург: оттуда, как слышал от самого Фрунзе, движение было уже сквозным. На это супруги и у-по-ва-ли...

Декабрьским днем - тринадцатого - военно-санитарный поезд № 4 достиг наконец Оренбурга.

Но снова оказался "на приколе". И опять надолго.

2.

"13 декабря мы приехали в Оренбург-1 (за 9 верст). Прождав до 18 в ожидании отправки нашего поезда, здесь мы решили пересесть на другой состав, чтобы доехать до Ташкента. Но 19 утром я пошла в Оренбург, чтобы начать хлопотать как пересесть в другой поезд, все устроилось и на следующий день должны были выехать, но когда я вечером вернулась из Оренбурга, я застала Ваана с температурой 40 и восемь десятых, он уже писал мне письмо, думая, что умрет, не дождавись меня. Тут уже я увидела, что ехать дальше нельзя..."

В нескольких строках ее, Анаит, заметок - еще неделя, еще семь, целых семь дней их жизни, их тревог и мытарств. До последней возможности рвался Терьян одолжению пути, держа в голове своей одно: в Ташве своей одно: в Ташкент и дальше... В Ташкент и дальше...

В одной из давних уже книг (С.Т. Алиханяна) прочел я также строки: "Почувствовав приближение смерти, Терьян изъявил желание увидеть свою жену Сусанну и брата Казара, проживавших в Ташкенте..." На полях моего экземпляра рукою Нвард Терьян написано: "Кто это сказал?" Действительно, никаких ссылок нет: "изъявил желание" - и все тут. Но Сусанна была не в Ташкенте и даже не в Средней Азии, а в Ставрополе; это факт установленный, и Ваан знал, куда отправлял в 1918-м жену с ребенком, умершим в дороге. К тому же, ему, человеку деликатнейшему, никогда не пришла бы в голову мысль поставить в неловкое положение двух ни в чем не повинных женщин - Анаит и Сусанну. Что касается старшего брата, Казароса Тер-Григоряна, печатавшего рассказы и повести из деревенской жизни под псевдонимом Джавахечи, то он и впрямь находился на среднеазиатской земле. Но так как писем от него не было уже достаточно длительное время, Терьян даже не знал, в Ташкенте ли брат, Андижане, Коканде или где-то еще. Об этой встрече думалось, она была желанной. Может и состоялась бы она, окажись Ваан и Анаит в заветном пункте их маршрута.

...Будучи командирован... в Ташкент для дальнейшего следования на Восток (в Турцию и Персию) с весьма срочным и важным поручением...

...желая продолжать свой путь, прошу Вас предоставить мне (на двоих) купе в первом же классном вагоне...

...Крайняя срочность и чрезвычайная важность возложенной на меня ответственной задачи дает мне право...

...немедленно и... вне всякой очереди...

Формулировки знакомые, читанные. Что, еще один документ, в точности повторяющий приведенный ранее, на самарских страницах этой повести? Тот, обращенный к "начальнику военных сообщений" в Самаре?

А собственно, почему в **Самаре**? Где это сказано? Из чего вытекает?

Снова и снова возвращаюсь к заявлению, под которым в публикациях (и автографе!) значатся подпись: "член ВЦИК В. Терьян" и дата "20 окт. 1919 г."

Если заявление самарское, то почему оно сохранилось в семейном архиве, а не пошло по назначению? Автор оставил себе копию... Но не до копий ему было, отнюдь не до копий! Нет, то, что писал в Самаре, там же, в Самаре, и осело - в делах штаба фронта, губернских учреждений. В его личных бумагах искать такое бесполезно, оно отсутствует.

Это сохранилось только потому, что не пошло "в ход"! Было написано, приготовлено и - оказалось ненужным, бесполезным. Да это же то самое

заявление, на основе которого **20 декабря Терьяны** должны были отправиться в Ташкент!.. Девятнадцатого Анаит побывала в разных официальных инстанциях Оренбурга, заручилась обещаниями о помощи и... все рухнуло, так как болезнь обострилась до крайности.

Последний... **самый последний** собственноручный документ, вышедший из-под пера Ваана Терьяна, - вот что такое это заявление, вокруг которого все еще идут споры.

"...Тут уже я увидела, что ехать дальше нельзя и предложила Ваану вместо того, чтобы пересаживаться на другой поезд, ехать в Оренбург к моим знакомым Оганян. Он был так измучен за этот день без меня один, что сказал: "Что хочешь, делай, только спаси меня от смерти".

Адрес, полученный во время мимолетной встречи на самарском рынке, пришелся как нельзя кстати. Первый же выход в Оренбург, и Анаит отыскала этот дом, постучала в дверь к незнакомым людям.

Незнакомым? Да нет же! С молодой хозяйкой, Маргарит, они в одно время учились в женской гимназии прикаспийского Дербента; тогда Анаит в их доме их бывала - в большой, доброжелательной семье Векилянов. Потом дороги соучениц разошлись: Шахиджаняны отправились в Тифлис и она стала учиться уже в тамошней женской гимназии № 1, одновременно посещая класс рояля в музыкальной школе, ну а Векиляны вскоре отправились в Астрахань, дальше в Царицын и, наконец, в Самару.

...В фонд Терьяна, что в ереванском Музее литературы и искусств имени Егише Чаренца, я увидел фотографию революционного 1917-го: "Выпускницы восьмого класса Первой женской гимназии в Тифлисе". Безмятежные, чистые лица: Надя Сердюкова, Нюся Янкелевич, Женя Калантар, Ирина Киселевская, Люся Аветян... Рядом с Люсей такая же юная, как все, по особому очаровательная Анаит. На чистой белой стороне коллективного снимка подружки поставили свои подписи. Тут же: **А. Шахиджанян**... Могла ли она представить себе, как совсем скоро распорядится ее судьбою растревоженное, вздыбленное Время?

В Самаре был любительский драмкружок. Местные армяне ставили драму Ширванзаде "Из-за чести". Искали исполнительницу роли Маргариты. Маргарит Векилян подошла сразу и взяли ее без всяких колебаний. Театральная "карьера" девушки оказалась, однако, не долгой. На одну из репетиций случайно попал Константин Оганян - молодой человек из Оренбурга, в прошлом каменщик, а тогда уже подававший надежды торговый агент. Маргарит приглянулась ему сразу. Сделал предложение, получил согласие, через несколько дней состоялось обручение по всем правилам армянского обряда и жених отбыл, чтобы совсем скоро приехать снова. Приехать удалось только через восемь месяцев: все это время дорога между Самарой и Оренбургом была закрыта. Долго пришлось ждать молодым, прежде чем сыграв свадьбу, отправились они в Оренбург и, прибыв сюда в товарном вагоне, поселились вместе в доме на Гришковской.

Снимок 1919 года: молодой красавец в модном тогда френче... Лихие, почти кавалерийские усы, волосы тщательно расчесаны на прямой пробор, приглажены и чуть ли не прилизаны... взгляд прямой, "неотразимый". Это и

есть Константин Георгиевич Оганян периода жениховства или уже самого начала семейной жизни.

- Константин был на своей службе, когда впервые пришла к нам Анаит, - рассказывала Маргарит Арутюновна. - Неожиданная гостья поделилась своим горем: муж в вагоне военно-санитарного поезда, он тяжело болен, продолжать путь сейчас, немедленно для жизни его смертельно опасно, им нужно остановиться на какое-то время в Оренбурге, а стало быть подыскать мало-мальски сносное пристанище. Не поможем ли в этом? "Можно остановиться у нас! Добро пожаловать!" В согласии мужа я не сомневалась: был он человеком широкой души, гостеприимным и дружелюбным. К тому же речь шла не просто о муже землячки, даже подруги, но о Терьяне, поэзией которого мы увлекались. Знали, еще по Астрахани, и о большой его работе на пользу армянских беженцев, армянского народа вообще.

- Мы жили, - продолжала Маргарит Оганян-Векилян, - в доме известного оренбургского кондитера Уварова. Кондитер убежал от революции, дом оставался в нашем полном распоряжении. Зашла к дворнику, немолодому поляку, державшему для всяких хозяйственных нужд верблюда. Были у него и сани. Он сразу согласился: как только скажем ему - поедет. (Задержу внимание читателя на "поляке". Еще с первой половины XIX века Оренбург стал едва ли не крупнейшим центром ссылки участников польского национально-освободительного движения. Их тут перебывали **тысячи** - и повстанцев 30-х годов, и тех, кто дрался за свободу отчизны в 60-е. Большинство со временем вернулось в Польшу, некоторые осели в краю многолетней своей ссылки навсегда...). Но я сначала решила отправиться на станцию сама. Узнать в каком Терьян состоянии, можно ли его перевозить и что для этого требуется... Терьяна нашли в тяжелейшем положении. Сомнений в том, что снять его с поезда прямо-таки необходимо, не было. В санях наскоро устроили нечто вроде постели: разложили предусмотрительно взятый с собой толстый тюфяк, под голову подложили подушку, повер легли теплые одеяла. Так и довели. Через весь заваленный снегом, вконец замороженный город...

Строки из заметок Анаит, дополненные рассказом Маргарит Оганян, вызвали во мне желание: путь Терьяна, проделанный им в санях, запряженных верблюдом, повторить самому.

Начинать его следовало, конечно, с железнодорожной дороги. Но тут-то сразу столкнулся с загадкой. Станция Оренбург-1 находится всего в двух, максимум трех километрах от центра города. А Анаит говорит о девяти. Говорит не раз. Километры те, по всему судя, доставались ей нелегко и потому врезались в память.

Не один и даже не пять разговоров со старожилками, особенно с давнишними железнодорожниками, потребовались мне для того, чтобы убедиться: речь в записках идет о нынешней станции "Восточный парк", долгое время именовавшейся "Оренбургом-2".

На одном из этих путей стоял в морозные декабрьские дни 1919-го военно-санитарный поезд с больным Терьяном. Несколько дней и ночей провел в одном из вагонов он, прославленный поэт своего народа.

Возможно привелось ему, а уж Анаит и подавно, заходить в станционное здание. Оно с тех пор каких-то больших изменений не претерпело. Разве что в более веселый цвет окрашен фасад, разрослись вокруг деревья, да нет уже пустыря, который сразу от путей начинался.

Станция, скромная малозаметная станция, ты вошла в биографию, в судьбу замечательного человека. О, если бы могли говорить путь, вагоны, здания - как много поведали бы они о его муках и его мечтах! Тех мечтах, которым уже не суждено было сбыться...

...Этой дорогой ехал он навстречу домашнему теплу. Этой - и совсем иной, непохожей. Не было гладкой ленты асфальта, уютного пристанционного поселка, современного ансамбля большого города. А вот и та часть улицы, которая тогда была. Ее имя - Пролетарская. Имя, полученное как раз в "дни Терьяна". Он ехал по ней едва живой, в огне болезни. Он не видел ни ветхих домишек бедняков, ни бывших купеческих лабазов, ни встречавшихся на пути двухэтажных домов, которые некогда принадлежали оренбургским богачам, а в революцию стали школами и клубами. Не видел... И все-таки я стараюсь смотреть на Пролетарскую его глазами. Не узнал, не узнал бы ни за что - хоть не построено тут домов-дворцов и не появилось многокилометрового бульвара. Новый облик старой улице придают степенные троллейбусы и юркие такси, разросшиеся вдоль тротуаров деревья, хорошо одетые пешеходы и, конечно, детвора. Шумная, веселая, счастливая...

...Но, пожалуй, пора сворачивать. Эта площадь называлось Соборной. Господствовал на ней кафедральный собор в византийском стиле - отсюда и название. Была она мрачной, холодной, как и сам этот храм божий... Я рассказываю твою историю, площадь имени Ленина. С величественным памятником Владимиру Ильичу, Домом Советов и многоэтажной "башней" сельскохозяйственных организаций, привлекательным в любую пору сквером, ты давно уже стала центром нового, полумиллионного Оренбурга - столицы края поднятой целины и бесконечного газового океана.

И вот бывшая Гришковская, теперь Чичерина... дом № 32.
Он самый.

- Стремоухов Александр, шофер. Проходите, добро пожаловать!
- Стремоухова Антонина, медсестра. Попейте с нами чаю...
- Стремоухов Володя, в пятом учусь...
- Саса (И на вопрос, сколько лет, три оттопыренных пальца ручонки).

Они живут в той комнате, где поместили когда-то Терьяна.

Помню, как остановился перед этим домом в самый первый раз.

Я шел по следам другого поэта и тоже революционера. Украинского... Тараса Шевченко... В середине прошлого века тянул он здесь солдатскую свою лямку.

Не по чьему-то заданию - по велению совести - стал искать я памятные места оренбургской ссылки гениального Кобзаря, и одна за другой передо мною открывались страницы его жизни в этом печально известном тогда городе на границе Европы и Азии.

В тот день меня больше всего занимало местонахождение дома штабс-капитана Герна, где Шевченко встречался с друзьями-единомышленниками, где, вопреки царскому запрету, имел возможность писать и рисовать. По некоторым мемуарным источникам, дом находился на Косушечной, потом Гришковской (позднее мне удалось найти - правда, на Косой, сейчас Казаковской). Но тогда первоначальная версия оставалась в силе, и я шел по улице Чичерина от дома к дому, из двора в двор.

Во дворе дома под номером 34-м меня встретил человек преклонных лет. "Дед Аверьянов, - назвался он. - Все так зовут, и ты зови".

Познакомились.

- Про Шевченко спрашиваешь? Известное дело слышал. Нет, тут он не жил. Дом этот помоложе меня будет, а мне за восемьдесят. Купец Коробков строил. "Коробковские номера" тут были. Ётя откуда тебе про них знать. Молодой еще... Рядом - тоже, можешь и не заходить. Уваров там жил...

Он умолк, задумался.

- Как это Шевченко назвал? Поэт? Так там, в соседнем доме, поэт жил. Только не украинский - это точно. Армянин он был. Помню его - черный, худой, а глаза... будо бездонные. Большой человек! И совсем больной... Ехал куда-то в - на Ташкент, сказывали, а в дороге заболел. Говорили, что сам Ленин его послал и назад дождался. Только не дождался уже. Так и остался тот человек в Оренбурге. Из этого дома его и хоронили...

Сами понимаете, услышанное не могло оставить меня равнодушным. Кто этот поэт?

- Фамилию не помню. Мудреная фамилия, запомновал. Но ежели желаешь - на табличке прочитать можно...

Из двора мы вышли вместе.

- Вот она, зарубка на память...

На каменной стене я увидел мемориальную доску:

В этом доме
истекли последние дни жизни
армянского поэта
Ваана Терьяна,
члена ВКП(б) и ВЦИК
1885 - 1920.

Терьян... Это имя было мне знакомо.

И вдруг вспомнилось: март сорок третьего, эшелон, идущий на запад, группа солдат у печурки и голос, молодой, с хрипотцой голос, читающий стихи:

И в этот час, когда беда грозит
Оковами порабощенья,
Изменник тот, кто не зовет к сраженью!
Предатель тот, кто меч не обнажит!

Эшелон следовал на фронт. Люди ехали воевать. И слова, которые читал один из нас, воспринимались не просто как поэтические строки.

Пусть танки враг ведет на нас
И темнокожих рать ведет,
С кривыми саблями идут,
Полками мрачными идут,
Пушай идут!
Их здесь огонь смертельный ждет,
Пред нашим стагом враг падет,
Мы - факел, что разгонит мрак,
Мы - мира осиянный стяг!
Пушай идут!
Пушай идут!

Пускай идут! (пер. М. Павловой).

Не приказы в честь освобождения городов, а суровые сводки об отступлениях передавали в те дни по радио. Победных салютов пока не видели и не слышали - хотя уже и были замечательные победы под Москвой, на Волге. Жаркие слова веры, надежды взмывали в холодном вагоне вестниками завтрашнего торжества.

Знамя свободы,
Пою я тебя!
Снова воскресла
Душа-сирота,
Как буревестник,
Ликует, любя,
И торжествует,
Легка и чиста. (пер. Н. Чуковский)

Стихотворение за стихотворением читал наш товарищ, и каждое находило по-особому трепетный отклик.

- Кто писал? - спросил чтеца.

- Терьян, - ответил он, глянув на обложку книги. И пояснил: - Армянский поэт, коммунист...

Так было написано в краткой аннотации.

Я, конечно, запомнил это имя. А уже после войны, увидев как-то в магазине стихи Терьяна, купил скромный томик, и он стал в моем книжном шкафу на одной полке с Шевченко и Лермонтовым, Руставели и Туманяном.

...Да, имя на мемориальной доске было мне известно. Но если прежнее знакомство являлось, так сказать, книжным, то теперь... теперь я впервые подумал о нем живом.

Живом...

"...Девять верст мы ехали на санях до Оренбурга. Когда доехали, он был почти без чувств, но домашняя уютная обстановка, тепло, семья оживили его. Он пришел в себя, и вечером все мы сидели за чаем, просто и мило разговаривая..." Это из записок Анаит; можно себе представить, какую тревогу вызвал в ней переезд с больным, едва живым Вааном.

Ксения Векилян, сестра Маргарит, вспоминала:

"Должна сказать, что переезд на санях подействовал на больного довольно благотворно - настроение его улучшилось. В домашнем нашем разговоре он часто и горестно вспоминал о "проклятом вагоне".

Маргарит:

- Ваана и Анаит поместили в отдельной комнате. В ней было, примерно, четырнадцать метров. Если смотреть на фасад того нашего дома, то это первые два окна слева. Кровать поставили около печки, на стене повесили ковер. В комнате стояло пианино - на нем Анаит часто играла для Терьяна.

Много лет спустя Нвард вспомнит рассказ своей матери о том, как даже перед самой смертью он заставлял ее играть. "...Этот рассказ не произвел бы такого впечатления и не сохранился бы в моей памяти, если бы в нем не было очень интересного штриха. Прекрасно игравшая на рояле, воспитанная на

классической музыке, моя мать всякий раз удивлялась странному музыкальному вкусу Терьяна: после сонаты Бетховена он мог попросить сыграть песенку Вертинского "Лиловый негр", и та же Нвард, очень тонко чувствующая мир поэзии и мир души никогда не виданного ею отца, прокомментировала эпизод из рассказов Анаит Александровны таким образом: "Он, с диапазоном чувств от лирического стихотворения до бурного потока революции, и в музыке, безусловно, должен был иметь не меньший диапазон - она тоже связана с чувствами, - от интимно-лирических песен Вертинского до полных страстей симфоний Бетховена".

Но об отношении к музыке достаточно много признаний у самого Терьяна, особенно в его письмах к сестрам Мискарян.

"...Я страшно устал, вот что, моя милая, мой хороший, мой добрый друг. Последнее время посещал концерты и убедился, что музыка лучше жизни. Слушая музыку, я чувствовал то, чего никогда не в силах никакими словами выразить. Это благословенное искусство, и счастливы те, кто приобщен к нему..." (1911).

"...Музыка это моя душа, которую я каким-то чудом слышу. А если я не слышу в музыке свою душу - значит это уже не музыка. Вот почему иной раз знаменитая какая-нибудь симфония меня не трогает, а "шарманка в осеннюю погоду" сводит с ума..." (1912).

Дом Константина Оганяна для людей хороших был открыт всегда. Теперь сюда, на Гришковскую, стали наведываться еще чаще, и прежде всего армяне, страдавшие от разлуки с родными своими местами, с родной культурой.

Приходила, и подолгу сидела близ больного, Маргарит Абрамян, сестра Константина. На любую помощь были готовы Керопяны, местные ремесленники. Заходил армянский священник - человек образованный, начитанный.

Маргарит:

- Армяне говорили мне: "Пусть Ваан причастится". Как-то я осторожно намекнула ему на это. Терьян отвечал вполне спокойно: "Я ведь неверующий. Но священник мне симпатичен, пусть приходит".

Ксения:

- Настроение его менялось так же часто, как и состояние. Бывали короткие промежутки времени, когда чувствовал себя сравнительно неплохо и тогда он охотно говорил, даже шутил. Например, однажды, когда мы "сознались", что не можем приготовить его любимое кушанье, Ваан уморительно "возмутился": "Если бы имел я даже 77 сыновей, то и тогда ни одну из вас не взял бы в невестки - какими бы плохими мои сыновья ни были".

Маргарит:

- О чем только Ваан ни говорил! О своем родном Джавахке, о родителях, братьях и сестрах, об Армении, о Революции...

Революция, борьба продолжалась и совсем рядом, сразу за стенами этого оренбургского дома, за его окнами, в которые он иногда поглядывал.

Что он мог видеть? Дома на противоположной стороне улицы - довольно большие и ухоженные, построенные богатыми, именитыми купцами и мещанами Хусаиновыми, Коробковым, другими. (Их имена забыты, а вот то, что в одном из них была первая "семейная" квартира Юрия Гагарина, тогда еще курсанта Оренбургского училища летчиков, знают все). Мог видеть Терьян

подводы, запряженные лошадьми, верблюдами, ишаками: одни следовали за Урал - там в какой-нибудь версте, начиналась Азия, другие шли в противоположном направлении - к Аренде, Голубиной слободке, центру города. Мог разглядеть купол Покровской церкви, стоявшей чуть поодаль, за домами.

Но все это всего-навсего "картинки с натуры". С необоримовластной силой хочется мне окунуться в **обстановку**, почувствовать **сам дух** Оренбурга конца девятнадцатого - начала двадцатых годов. Каким он был, чем жил, город на берегу Урала?

Говорил со старожилками - их память сохранила многое. Нашлись давние фотографии - они дополняли рассказы. Но как было не попытаться услышать **голос самой эпохи**?

И вскоре передо мной оказался комплект газеты "Коммунар" - органа Оренбургского губернского комитета РКП(б), городского и губернского исполнительных комитетов, военного совета укрепленного района.

Номера на желтой оберточной бумаге, незатейливые по верстке, с неброскими заголовками и редко-редко встречающимися иллюстрациями, они говорили языком своего времени - бурного и неповторимого.

Рассказывайте... Слушаю!

...Полтава - наша!

...Красным партизанским корпусом взят Барнаул...

...Наступление разворачивается успешно...

..."Все на последний решительный бой под красным знаменем Коммунистического Интернационала!"

..."Да здравствует мировая коммунистическая революция и ее вождь - российский пролетариат!"

Идет бой. Бой не на жизнь, а на смерть. Бой, в котором нет и не может быть равнодушных.

...Сводки с Южного фронта...

...С Западного фронта сообщают...

...Положение на Восточном...

Много фронтов у новорожденной Советской республики. Много ополчилось против нее врагов. Но она выстоит, во что бы то ни стало выстоит!

..."Сегодня продолжение партийной недели. Каждый член партии обязан привлечь в ее ряды не менее двух-трех новых членов".

..."Товарищи, среди вас не должно быть несознательных и трусливых. Все под красное знамя Коммунистической партии!"

Красноармейские части усиливают натиск. Оренбург, сам испытавший многое, сам город-воин, радуется счастьем других городов.

...Красный стяг - над Екатеринославом!

...Наши войска в тридцати верстах от Таганрога...

...В Сибири нами занят город Ачинск...

Жизнь ставит на повестку дня новые задачи, выдвигает новые дела:

..."Из смертной схватки с мировой буржуазией русский пролетариат выходит победителем... Лозунгом для трудящихся Советской России должно стать: "К труду! К станкам!"

..."Перед нами теперь во весь рост встает задача мирного строительства. Рабочие и крестьяне должны будут теперь вложить весь свой революционный энтузиазм в разрешение этой задачи..."

Энтузиазм велик. Он нарастает. Он требует стихов, песен.

...Я слушаю тебя, Оренбург суровой и неповторимой поры. Слушаю сердцем. Как слушал в те дни Терьян...

Ксения:

- Первые дни он, лежа в постели, много читал. Потом чтение стало быстро его утомлять и книги оставались нераскрытыми...

Маргарит:

- По нашей просьбе Терьян читал свои стихи. Мы слушали их в большом волнении. Дорогим его подарком мне была книга "Стихотворения". Я ее хранила как самое заветное...

Ксения:

- Заметив, что присутствие людей его оживляет, подбадривает, что музыка и песни действуют на него благотворно, мы в один из вечеров устроили "кеф" - дружескую вечеринку. Терьян с удовольствием слушал игру на таре, родные армянские песни, наблюдал за танцами. Вполне одетый, он сидел у стола, локтями опираясь на край его и, казалось, был весел. Увы, сил хватило ненадолго - извинился и лег.

Пьян, пьян я, томит меня хмель,
Беспечный, сползаю на пол...

Станным образом стихотворение это - у Терьяна последнее - стали связывать с тем самым вечером в доме семьи Оганян. Погос Макинцян превратил скромнейшую вечеринку чуть ли не в шумный банкет, сравниваемый с веселой каруселью. Он не знал (или отбросил, зная) помету, сделанную самим автором и указывавшую на год, месяц и место рождения стихотворения: 1919, ноябрь, Самара. Нет, пусть будет Оренбург, будут дни перед смертью, последние дни угасающей жизни поэта! Но к чему такая, мягко говоря, "натяжка"? Чем она оправдана? Ради чего нужна?.. А ведь находятся исследователи, которые простодушно "забывают", что Макинцяна рядом с другом его тогда не было, никакими дополнительными сведениями он не располагал и таким образом, это его утверждение к "воспоминаниям очевидца" относить **неправомерно**.

Жизнь Терьяна угасала в Оренбурге.

Город жил напряженнейшей жизнью своего времени.

Уже сами заголовки в газете "Коммунар" говорили о многом:

...На помощь голодающему центру...

...Субботник советских служащих...

...Все силы на борьбу за светлое будущее...

...Борьба с эпидемией тифа...

Тиф стал для оренбуржцев врагом № 1. Он косил ряды, он подтачивал силы. Жестокий, беспощадный тиф-сыпняк...

..."Из города Оренбурга не будет выпускаться, как из города неблагополучного по тифу, ни один красноармеец и ни один гражданин, не прошедший через баню в течение трех дней до выезда..."

..."Собрание красноармейцев и сотрудников банно-строительного отряда имени Парижской коммуны, постановило отдать все силы на борьбу с эпидемией, которая губит наши молодые силы, необходимые для борьбы с врагами революции..."

Но жизнь идет, торжествует, берет свое.

...Запись в партию - в клубах Красного городка, Форштадта, Аренды...

...Начальник гарнизона разрешил свободное хождение по городу в следующие часы...

...Создан оренбургский кружок пролетарских писателей...

...Литературное утро памяти А.И. Герцена...

...Поднять искусство на ту высоту, которая...

Во всем - вера, великая вера в завтрашний светлый день.

..."Мы, коммунисты запасного инжбата, верим в окончательную победу над мировым врагом революции - капиталом, и пусть новый год принесет полное торжество трудящихся масс над буржуазией. Да здравствует 1920-й красный год!"

Верил и он.

Из воспоминаний Ксении Векилян: "Несмотря на всю тяжесть своего состояния, Терьян верил, что Красная Армия и Советская власть победят, всякие трудности исчезнут и люди заживут в наилучших условиях".

Думалось ему не только о людях в родной Армении, на Кавказе - по всей стране, во всем мире...

Не могу писать о его страданиях. Любым случаем пользуясь, делаю пусть краткие, но передышки. Сейчас, например, для того, чтобы воздать хвалу ищущим новое, не позволяющим забывать то, что на самом деле было, спасающим от забвения жизни человеческие или хотя бы эпизоды жизней.

...Как не сказать спасибо Сукиасяну Сако Григорьевичу - переводчику на русский многих произведений литературы Армении, земляку Терьяна и автору книги о нем, следопыту из самых активных? Даты его жизни - 1896-1965; рожденный в Ахалкалаки и умерший в Москве, он исследовал всю "географию" своего любимого поэта и ради правды о нем, ради славы его сделал больше, чем многие и многие другие.

То и дело я привожу здесь воспоминания Ксении Векилян. А ведь они - от Сукиасяна!

Он встретил ее в 1924-м, когда та приехала в Москву, чтобы поступить в драматическую студию. На экзамене девушке предложили прочесть стихи. На армянском ли языке, на русском, на любом другом - это комиссии было безразлично, лишь бы проявились в чтице данные, нужные автору.

- Кого из армянских поэтов хотели бы послушать вы? - спросила Ксения членов комиссии.

- Терьяна! - отозвался вдруг сидевший за столом Сукиасян.

Абитуриентка смешалась, побледнела. Сукиасян мог только гадать, чем это вызвано: то ли радостью от совпадения желаний, то ли огорчением-недовольством. Объяснила она сама: "Терьян умер в нашем доме". Наступил черед опешить Сако Григорьевичу... Долго после экзамена расспрашивал он Ксению и в конце концов ее воспоминания записал. Единственные тогда достоверные свидетельства о последних днях жизни поэта. Впервые они увидели свет в 1941-м...

Еще в двадцатые годы Сукиасян обращался к Анаит Александровне, и она, внемля его пылким уговорам, обещала молодому тогда биографу за воспоминания взяться. Прошло, однако, много лет, прежде чем Шахиджян передала ему свои краткие заметки на русском языке. Сукиасян их использовал в собственном переложении на армянский и в собственной обработке, во время которой в тексте письменного свидетельства Анаит оказались абзацы другие, дополнительные, не исключено, разумеется, что исходили они от самой рассказчицы...

Сукиасян побывал и в Оренбурге. Подробнейшее, со всеми деталями, описание этой поездки помещено в его книге "Страницы из жизни Ваана Терьяна" (Ереван, 1959, на армянском языке). В нелегком оказался Сако Григорьевич положению. Привез с собою уже готовую мемориальную доску, а где прикрепить ее, на каком доме - неизвестно. И пустился он в многодневные поиски по улицам и домам оренбургским, от одного человека к другому. В поисках приняли участие армяне, жившие здесь с дореволюционных лет или оказавшиеся в городе в первую мировую, например, Сирануш Оганесян и сапожник Хоренянц, коренные оренбуржцы - русские и татары, к примеру красный партизан Курицын, к благородному делу были подключены горкомовцы, горсоветчики и даже милиция; и уже когда надежда почти угасла, дом удалось отыскать - тот самый, хорошо теперь известный. Сукиасян познакомился со всеми его жильцами - пилотом Шерстовым и его женой Лидой, педагогом и студентом, начальником автотранспортной конторы и работником милиции; живейшую заинтересованность проявили все в доме и все в округе. Самую деятельную помощь оказали секретарь горкома партии Серегин, ответственный работник горисполкома Мавринский... 9 июля 1940 года на фасаде дома по улице Чичерина была установлена и открыта памятная доска на двух языках. Та, которая привлекает внимание поныне...

Выразим Сако Григорьевичу Сукиасяну, давно уже покойному, признательность нашу. И... вернемся к искателям позже.

"Целю неделю я добивалась врача, была эпидемия сыпного тифа, все врачи были мобилизованы и на дом никто не ездил, принимая больных либо на дому, либо в больнице..."

Впервые врач переступил порог этого дома только 8 декабря. Прописал какие-то лекарства и быстро ушел, пообещав зайти снова, но тотчас обещание свое забыв. (Так у Анаит; однако, справедливости ради, замечу, что и врачи болезням подвержены - свалился доктор в жарком тифу).

"С 30-го декабря его стал посещать регулярно, через день другой врач. Температура была низкая... Есть он ничего не мог... Лекарства нельзя было найти. Нигде нельзя было достать ни креозота, ни кислородных подушек..."

Только теперь Терьян перестал рваться в Ташкент и заговорил о Москве.

"Он просил ехать в Москву, говоря, что спасение там..."

Больной был в полном сознании. За время болезни он не терял его ни днем, ни ночью. И о чем только ни передумал!

Ваан не хотел умирать, он не мог даже подумать о неизбежности скорой смерти. И говорил, говорил о жизни, о сокровенном. Перед глазами его возникал пламенный Степан Шаумян, которого издавна взял себе в пример. Вспоминались встречи с Лениным - встречаться им приходилось еще в Смольном, да и потом, когда правительство переехало в Москву. Вспоминался Комиссариат по делам армян - этот бурлящий улей, с днями и ночами, до краев заполненными работой. Работой и заботами: об издании газет и книг, о добыче одежды и медикаментов для беженцев, об открытии школ. Вспоминались разговоры о литературе. Замыслы... рой замыслов... бездна замыслов... Неужели на его долю остались только воспоминания? **Последние воспоминания?** Нет, надо вырваться из когтей смерти, надо побороть ее и - жить-жить во что бы то ни стало.

Не раз вспоминаю я здесь Ленина.

Терьян знал его **лично**. Владимир Ильич **лично** знал Терьяна.

Где подтверждения этому?

Самые достоверные - исходящие от В.И. Ленина. Но в Полном собрании сочинений не найти ни одного документа, в котором упоминался бы Терьян. Тер- Аветикянц... Тер-Ваганян... Тер-Иоаннисян... Тер-Каспарян... Тер-Петросян... Тер-Григоряна (подлинная фамилия нашего героя), как равно и Терьяна, нет. Да ведь такие **документы** передо мною! Вот они, среди находящихся на моем рабочем столе в читальном зале Музея литературы и искусств Армении, выписанных из фонда 163 - его, Терьяна, фонда...

Единица хранения 270:

...Народный Комиссар по делам национальностей. Петроград. 29 ноября 1917 г.

Предлагается т-щу Комиссару Мариинского Дворца оказать всяческие услуги товарищу Терьяну по приемке бумаг Комиссариата по Кавказским делам.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по национальным делам

И. Джугашвили-Сталин.

Собственноручная подпись Ленина! Собственноручная подпись наркома; его рукою весь документ и составлен... Мандат подлинный, выдан он вскоре после свершения Октябрьской революции; в непродолжительном времени Владимир Ильич подпишет постановление о ликвидации Управления по делам Кавказа в Петрограде и передаче всех его дел, имущества и кредитов Народному комиссариату по делам национальностей, при котором начал действовать Комиссариат по делам армян во главе с Варлаамом Аванесовым и Вааном Терьяном.

"В.И. Ленин лично знал Терьяна и не раз давал ему ответственные поручения" - пишет академик Г.Б. Гарибджанян, крупнейший знаток истории партийных организаций Закавказья и, прежде всего, Армении.

Лично знал... Да, и именно потому **лично поручил** Ваану Терьяну, вместе с Саркисом Лукашиным (Срапионом), подготовить докладную записку о положении в Западной Армении для обсуждения ее на заседании Совнаркома. Записка готовилась спешно. Речь шла о тяжком, невыносимом положении западных армян под игом тех, кто не раз устраивал кровавую резню для истребления народа, о том, что только пролетарская революция и Советская власть в силах принести армянам освобождение. Тогда же, в декабре 1917-го, правительство приняло декрет "О "Турецкой Армении", указывавший единственно верный путь решения армянского вопроса. "Однако вследствие сложной военно-политической обстановки, сложившейся тогда, декрет Совнаркома не мог быть осуществлен, что очень тяжело отразилось на сотнях тысяч трудящихся армян" (Г. Гарибджанян).

Знал лично...

Еденица хранения 272;

...Совет Народных Комиссаров. Петроград. 11 января 1918 г. № 4.

...**Удостоверение.** Настоящим, с приложением печати, удостоверяется, что предъявитель сего, член коллегии Комиссариата по армянским делам Терьян уполномочен Советом Народных Комиссаров войти, в качестве консультанта, в состав делегации, ведущей в Брест-Литовске переговоры о заключении мира между Российской Республикой, с одной стороны, и державами Четвертого Союза - с другой.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов-Ленин.

Секретарь **М. Скрыпник.**

Собственноручная ленинская подпись и тут. Снова оригинал, еще один подлинник...

В их отношениях - Вождя и Поэта - подлинным было все.

Неужели только **было**? И более не будет никогда.

...Все же бьется в горячке мой стих.

О, длись этот сон, этот сон...

В Москву! И поскорее!

Первая Революционная армия была создана из добровольческих отрядов и частей, действовавших против белочехов и всех белогвардейских войск на Сызранско-Симбирском направлении. В 1918-м она вела боевые действия в Поволжье. Участвовала Первая в наступательных операциях Восточного фронта восемнадцатого-девятнадцатого годов, освобождала Симбирск, Сызрань, Самару, Стерлитамак, Оренбург. За нею утвердилась слава главной силы в разгроме Колчака. В ходе Актюбинской операции 1919 года этой армии удалось соединиться с войсками Туркестанской Советской республики. В последние месяцы девятнадцатого вела она ожесточенные бои против белоказаков в Уральской области, сражалась в Закаспийской и готовилась оказать активную помощь народам Хивы и Бухары в разгроме басмачей. Входила Первая армия в состав Туркестанского фронта.

В штабе Первой Анаит уже была, когда 19 декабря ходила со станции Оренбург-2, чтобы хлопотать о пересадке в другой поезд, назначенный для следования в Ташкент. Тогда все получилось, но воспользоваться разрешением не удалось. И вот теперь...

Сменив на этом посту Г.Д. Гая, Армией командовал Георгий Васильевич Зиновьев, старший унтер-офицер и кавалер четырех Георгиевских крестов в первую мировую, потом военный летчик, командир отряда, начальник гарнизона, а ныне командующий крупнейшим войсковым формированием.

Но Зиновьева на месте не было - он находился в частях. Принимал ее член РВС Баранов Петр Ионович - человек энергичный, решительный, на первый взгляд даже суровый. Анаит он мог показаться "пожилым", хотя на самом деле было ему всего-навсего 27. Да, двадцать семь, но с 1912-го в партии, ранение полицейской пулей и каторга по приговору военно-полевого суда, председательствование в армейском ревкоме, командование боевыми революционными отрядами, а там и целой армией, наконец политическая работа на Восточном и Туркестанском фронтах... Потом он возглавит военно-воздушные силы молодой Советской республики, посвятит свой организаторский талант созданию воздушного флота страны и погибнет в авиационной катастрофе, обретя последний покой в некрополе Кремлевской стены.

Однако это в будущем, теперь же Анаит, обращалась к члену Революционного Военного Совета Первой армии и уходила обнадеженная: 7 января они выедут в Москву - вагон им выделят.

Уходила? Нет, убегала! "Он посылал меня хлопотать для отъезда, а сам просил не отлучаться больше чем на полчаса-час, боясь умереть..." Сколько же она перенесла, перестрадала! Совсем юной девушкой, приехавшей в Москву на высшие женские курсы, а после закрытия их ставшей скромной сотрудницей

Комиссариата по армянским делам, довелось ей встретить этого человека - намного старшего по возрасту, тяжело больного туберкулезом и, ко всему, состоящего в законном браке с другой. Встретила - и полюбила на всю жизнь. Без колебаний пошла красавица-армянка, девушка богато одаренная, за усталым, изможденным, вечно занятым Терьяном, который не мог ей дать ни комфорта, ни покоя. Без раздумий пустилась она с ним в путь далекий, трудный, опасный. Опасный для них, а еще более для их будущего ребенка.

Той, которую Анаит, родив в конце апреля 1920-го - через четыре с половиной месяца после смерти мужа, назовет Нвард, Новой Розой.

Мы с Нвард познакомились заочно, по переписке, а впервые увиделись в Оренбурге двадцать с лишним лет тому назад.

Получилось это так.

После того как "дед Аверьянов" подвел меня к мемориальной доске с надписью на двух языках, я уже не мог не заняться поисками материалов о Ваане Терьяне. Но сразу же натолкнулся на непреодолимые, казалось, препоны.

Ни в государственном и партийном архивах, ни в краеведческом музее Оренбурга сведений о Терьяне не оказалось. Поднял, кажется, все фонды, имеющие хоть какое-то отношение к тому времени, и - ничего не нашел ни о приезде его, ни о болезни и кончине. Работницы ЗАГСа трижды прошлись по всем своим книгам, захватив даже более обширный период, чем декабрь девятнадцатого - январь двадцатого, но не обнаружили записи о смерти. Не много дали и беседы. Несколько недель, затраченных на встречи со старожилами, позволили познакомиться с десятками хороших семей, и русских, и армянских, однако к биографии поэта не прибавили ничего.

В один из вечеров с экрана раздался голос диктора: "Сегодня, друзья, телестудия обращается к вам по необычному вопросу. Мы приглашаем вас стать исследователями одного из периодов деятельности выдающегося армянского поэта-коммуниста Ваана Терьяна". Рассчитывали на то, что откликнутся люди, которые могли бы пролить свет на обстоятельства последних недель его жизни. Неужели не дойдет?

Дошло! На следующий день по указанным в обращении телефонам начали звонить с самого утра. Но это были звонки-сообщения, а... звонки-вопросы, звонки-просьбы: "О Терьяне не знаем. Помочь, к сожалению, не можем. А знать хотим. Знать больше. Знать все. Расскажите!"

Надо было рассказать. Непременно - надо. А коль так - искать. И не только в Оренбурге - связаться с армянскими исследователями, армянскими архивами. Письма-расспросы разлетались по разным адресам: в Гандзу - на родину поэта, где уже действовал мемориальный музей в его отцовском доме, в Ереван - Музей литературы и искусств, где есть, как значилось в справочниках, и личный фонд Терьяна. "Несмотря на то, что все материалы были хорошо нам известны, - писал один из руководителей Музея, - мы все же еще раз проверили фонд, и никаких документов по интересующим Вас вопросам не нашли".

Но... В нашем архиве находится письмо податного инспектора Оренбургского губфинотдела Е.М. Мурадова. Оно написано 9 июля 1920 года и адресовано неизвестному лицу..."

Письмо Мурадова приводилось дословно: "Здесь, в Оренбурге, я случайно узнал, что Вы интересуетесь вопросом о кончине Терьяна. Считаю своим долгом сообщить, что Ваан Терьян действительно приехал в Оренбург в конце прошлого года и направлялся в Ташкент. В Оренбурге он останавливался по причине болезни. За больным ухаживала армянка по имени Анаида. В начале

января 1920 года состояние больного ухудшилось и он скончался. Тело похоронили на оренбургском армянском кладбище, а Анаида поехала в Москву".

Кому это письмо адресовалось, в конце концов не так уж и важно. А вот упоминание об Анаиде...

Ее, Анаит Шахиджанян, читателям хорошо известную, я "нашел" с помощью тех же корреспондентов моих в Армении. Нашел, хотя в живых ее не оказалось. Но мне посчастливилось услышать взволнованный голос этой славной женщины - прочесть заметки, которые так часто звучат на этих страницах. С ними познакомила меня Нвард. Ее адрес в одном из домов на ереванском проспекте имени Ленина надолго стал для меня главным.

"...6-го января через здравотдел был созван консилиум из 3-х врачей. Врачи сказали, что сделать ничего нельзя и нужно ждать с минуты на минуту конца.

Ночь на 7-е всю не спал. Просил несколько раз одеть и посадить в кресло. Но и пяти минут сидеть не мог. Ноги и руки коченели и он просил их натереть, а сам был спокоен. Спрашивал: как я думаю, кому тяжелей - кто умирает или близким - кто остается... Только и говорил, чтобы скорей уехать в Москву..."

Жить! Жить!

...Пусть грудь полыхает огнем

И жизни уже не сберечь...

Неужели... конец?!

Не могу, не в силах дописывать. Вернусь к Нвард.

По случайному стечению обстоятельств она выехала в Оренбург в октябре - как за сорок пять лет до этого ее отец и мать. Во всем остальном поездка Нвард Ваановны была на ту совершенно непохожа. Прошло немногим более суток после отъезда ее из Москвы, и я же встречал мою гостью на оренбургском вокзале.

(Самая малость из биографии - в дальнейшем выставка может и не получиться. Нвард родилась 28 апреля 1920 годѐа. Была она очень слабой, болезненной и многое потребовалось от Анаит, чтобы выходить единственную дочь Терьяна. Девочку взял под свою опеку Совнарком республики. Росла и училась она в Москве: здесь окончила среднюю школу (именно тогда Наири Зарян назвал ее "прекрасным произведением Ваана" - так на обороте фотографии), здесь поступила в юридический институт, эвакуированный с началом войны в Алам-Ату. Став дипломированным юристом, Нвард поехала работать в Армению, в Наркомат юстиции. В 1943 году рождается ее первенец, Ваган Эмин, теперь доцент в университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, в 1949-м - второй сын, Григорий Эмин, ныне кандидат физико-математических наук, научный сотрудник в одном из исследовательских центров Еревана. Жизнь Нвард сложилась нелегко, но женщина стойко переносила все трудности, до конца выполняя долг материнский и долг дочерний. Скончалась она от рака, в октябре 1978 г.).

Первым местом, куда мы направились по приезде Нвард был заветный дом на улице Чичерина - последний дом Ваана.

Сюда Анаит постучалась со своей бедою. Сюда подъехали сани со смертельно больным Терьяном. И отсюда же... отсюда вынесли гроб с телом безвременно сгоревшего поэта-борца...

"...Утром я пошла хлопотать насчет отъезда. Пришла, он просил врача... Поехала за фельдшером с того военно-санитарного поезда, на котором мы ехали из Самары (он все еще стоял в Оренбурге-1 за 9 верст). Когда мы через час приехали, у него пульс уже не работал, но он узнал его и очень обрадовался... Расспрашивал: "Можно ли без конца делать уколы и таким образом продлить жизнь еще на неделю?"

За неделю можно было, по расчетам его, добраться до Москвы, а уже одно это представлялось Терьяну возвращением в Жизнь.

"...После камфоры он два часа еще был в сознании. Просил спокойно возле него сидеть и не плакать, и не бегать... Тогда я еще не понимала, что это смерть".

Смерть всегда неожиданна, всегда необъяснима.

У Сако Сукиасяна есть детали, которых в заметках не найдешь. Они, как полагаю, не придуманы - придумывать в **таком** рассказе кощественно. Наверное, вспоминала их, перебирая в памяти страшные те минуты, ничего не забывавшая Анаит.

Вспомнились ей, вероятно, и последние слова Терьяна:

- Где мой портфель? Я падаю...

...Беспечный, сползаю на дно...

Портфель, портфель... Он, конечно, был - и не пустой. Сохранилось ли его содержимое?

...Если вы помните, я запрашивал Музей литературы и искусств им. Егише Чаренца о документальных материалах последней поездки Ваана Терьяна. Прислали мне не много. "К сожалению ничего больше нет..."

В первую же нашу встречу с Нвард, буквально через час после того, как мы пожали друг другу руки на оренбургском вокзале, задал я такой же вопрос и ей.

Вместо ответа она извлекла из чемодана увесистую папку, и я увидел чуть ли не все, что было с Терьяном в Оренбурге, а еще многое, многое другое. Настоящий клад для каждого, кто изучает его жизнь, его творчество...

Партийный билет члена Московской организации Российской Коммунистической партии (большевиков) за номером 5300/1968. Последняя отметка об уплате взносов - в октябре 1919-го...

Документ члена ВЦИК - членский билет № 178. Тут же - вциковский значок, который он носил на своей груди...

Командировочное удостоверение с подписью Михаила Ивановича Калинина. В Ташкент - через Самару и Оренбург...

Фотографии живого Терьяна - именно живого, а не того официального, которые получили распространение, в известной мере искажая облик этого человека...

Фотографии Терьяна в гробу, сделанные перед выносом для погребения. Над гробом склонилась Анаит...

Галстук, снятый ею с Ваана и, кажется, впитавший в себя самые горькие слезы на свете. Простой лиловый галстук, который он особенно любил...

И, наконец, стихи. Четкий, почти печатный почерк Терьяна. Его произведения, его рука. Последнее - "Пьян, пьян я..." Оно написано в Самаре. Другие - за более дальние годы.

Сколько времени, сил, энергии затрачивают исследователи, чтобы отыскать хоть одну его строку! А тут - десятки стихов-автографов, сотни и сотни строк его рукописей. Клад, настоящий клад...

Владелица папки позволила мне снять копии со всех фотографий, автографов, реликвий. Она разрешила использовать по своему усмотрению и ранее высланные записи ее матери, Анаит Шахиджанян, и другие воспоминания, у нее хранившиеся. Я был тронут таким вниманием и глубоко ей, Нвард, благодарен.

Но когда Оренбургский краеведческий музей предложил гостье уступить дорогой архив, чтобы бесценные материалы заняли место в витринах и на стендах, она отказала:

- Это принадлежит Армении.

Да, это принадлежит тебе, его родная земля. Хозяйка - ты. И я счастлив был узнать, что в канун 80-летия со дня рождения поэта все содержимое бесценной папки Нвард передала Музею литературы и искусств Армянской ССР. Над этими материалами работают исследователи, их используют составители новых изданий.

Но должен видеть их и более широкий круг людей.

Вот здесь мне захотелось спросить:

- Не пора ли тебе, милая моему сердцу Армения, иметь в столице своей Музей Терьяна - центр исследовательской работы над наследием замечательного поэта? Это был бы прекрасный музей - ведь Ваан и поэт неповторимый и борец удивительной страстности. Он стал бы музеем армянской поэзии, музеем борьбы армянского народа за свободу свою.

Музея на родине поэта, в селе Гандза, уже недостаточно...

Вот о чем раздумываю я, просматривая копии документов из старой папки, которую привозила в Оренбург, Нвард Терьян, дорогая гостья этого далекого города. И от раздумий возвращаюсь во времена давние - январь 1920-го...

Кто делал эти последние, скорбные фото? Ни автора их, ни даже имени его найти не удалось.

Закрыты, навсегда закрыты глаза Терьяна, губы; однако, все еще сохраняют чуть ироническую улыбку. Открытый лоб (хочется сказать возвышеннее: **чело**)... темнятся выросшие уже после смерти волосы на подбородке, на щеках... Он торжественен, как в миг ответственный. Торжественность подчеркивает значок члена ВЦИК в лацкане пиджака костюма-тройки. И цветы, цветы, выступающие над ветками оренбургской ели, покрывшими его недвижимое тело.

На одном фото только Он. На другом - Он и Она. Анаит не плачет - слез уже нет. Для нас глаза женщины закрыты - открыты они только для него, Ваана. Темное платье, темное зимнее пальто - в комнате холодно. Непередаваемо горе любящей женщины. Но и в горе она прекрасна.

...Последние минуты прощания. Последние перед Вечностью...

Были люди, которые от нее отворачивались, ее поносили: невенчанная - не жена. Ох это ханжество! И думается мне сейчас, что говорить худое об Анаит так же мерзко, как лить грязь на Наталью Николаевну Пушкину или возводить напраслину на Софью Андреевну Толстую...

Хороните меня, лишь угаснет заря
И печального солнца усталый закат
Ослабеет, вершины огнем озаря,
А моря и равнины во тьме замолчат.

Хороните меня до ночной темноты:
В час, когда замирает дыхание дня,
Потухают лучи, засыпают цветы, -
В полумраке долин хороните меня!

Бросьте мне на могилу увядших цветов:
Пусть со мной разделяют спокойствие сна.
Хороните без слез, хороните без слов...
Тишина, тишина, без конца тишина! (пер. Вс. Рождественского).
1905

Написал он это в свои двадцать - загрустил и написал. Вошло стихотворение в его "Грезы сумерек". И осталось жить - в памяти, в сердцах...

Маргарит Векилян:

- Хоронили Терьяна так, как просил он в своем стихотворении: "Хороните меня, лишь угаснет заря..." - в самом конце короткого январского дня, уже под вечер. Пришло много армян, они принесли цветы - все, какие можно было добыть в зимнем городе. Собрались и люди, мне незнакомые: из штаба армян, из губисполкома, жители соседних домов - русские, татары, поляки. Я на кладбище не пошла - надо было готовиться к скромным поминкам по усопшему, а без хозяйки в таком деле не обойтись. Но мне потом рассказывали, что все было так, как завещал когда-то поэт: "Хороните без слов..." И в самом деле, могут ли слова передать истинные глубины чувств человеческих?..

(Этими и другими, приведенными ранее, воспоминаниями Маргарит Арутюновны Оганян, ее сестры Анаит, сестры мужа - Маргарит Абрамян мы обязаны опять же Нвард Терьян, которая в поисках материалов об отце проехала тысячи и тысячи километров. Сестер Векилян и их родственницу она отыскала в Ашхабаде, и сколько узнала от них, какие впечатления увезла с собою! Памяти Поэта служила она до последних дней жизни. Издала драгоценные письма Ваана Сукиасовича к Антарам и Марте Мискарян, перевела на русский язык статьи о Льве Толстом, отыскала телеграмму Терьяна из Брест-Литовска и многое другое. Не раз приезжала она в Оренбург, и мы снова, снова ходили по улицам, встречавшим Терьяна живым и провожавшим мертвым... Прах дочери покоится сейчас у порога дома, в котором родился отец. Пусть будет ей пухом каменистая земля Джавахети!)

...А завтра в газете прочтешь.
"Безвременно умер поэт..."

Анаит уехала из Оренбурга не сразу.

Удостоверение, выданное Реввоенсоветом Первой армии Туркестанского фронта, первоначально было датировано 14-м января 1920 года.

"Всем военным, железнодорожным и гражданским властям предлагается оказывать тов. Шахиджян полное содействие в пути", - предписывало оно со всей категоричностью.

Позднее заведующий секретариатом Реввоенсовета поставил новую дату - 18 января, скрепив ее своей подписью с приложением печати.

Каждый из этих дней Анаит заканчивала на могиле.

Свежей могиле самого дорогого ей человека...

Самого дорогого!

Вдовой она осталась в двадцать - одна, с нерожденным еще ребенком. Три года спустя Анаит вышла замуж за Егиазара Егиазарова, торгового представителя Армении в Москве. Родился сын. Григорий, известный в музыкальном мире скрипач. Продолжила учебу сама: сначала в музтехникуме, позднее в консерватории. Работала в различных детских учреждениях - учила музыке; с наслаждением играла, иногда выступала с концертами. И растила, воспитывала своих детей. Нвард она буквально выходила, выпестовала. В московском их доме всегда жил культ поэзии Ваана Терьяна, бережно сохранялось все, что было с ним связано... Анаит пережила Ваана на тридцать лет и сама умерла, едва перейдя через полувековой свой порог. Не перенесла она в 1950-м тяжелой операции - умерла в онкологической клинике. А перед смертью завещала дочери помнить о далекой могиле отца, служить его славе, его бессмертию.

Ну, а где могила Терьяна находится?

Почему обходит этот вопрос автор?

Искал - и не нашел? Не отыскал - и замалчивает?

Нет, скажу и об этом.

Старого кладбища не существует давно. В 1940 году, когда в Оренбург приехал Сако Сукиасян, его уже не было. Старожилы могли только указать, где оно располагалось и в каком, примерно, месте хоронили умерших здешние армяне. Тогда там уже стояло здание новой большой застройки. Через год, 22 июня 1941-го, отсюда - от места, где невидимая нам могила Ваана Терьяна, - уходили оренбуржцы на войну, чтобы жила наша страна родная, жила в трудах и радостях.

...И вы не ищите холма моего:

Усталому сердцу пора отдохнуть,

Хочу я один, вдали от всего,

Без грез и волнений, в мире уснуть. (пер. Т. Меншуткиной).

Ищи не ищи - надмогильного холмика нет. И все-таки Могила Поэта существует!

Позволю себе напомнить одну волнующую историю, известную в Армении многим.

...Весь армянский народ мыслями и сердцами своими был в тот час в Пантеоне, участвуя в захоронении горстей земли с места погребения своего любимого сына.

Погребения давнего. Погребения далекого.

Землю доставили из Оренбурга..

Я был среди тех, кто снаряжал ее в дорогу.

Но не лучше ли раскрыть свой дневник и обратиться к записям того дня?

Итак - 1968 год, октябрь, двадцать четвертое.

"Я очень волнуюсь: как все пройдет? Волнуются другие. Вчера, под конец дня, заходил по делу к секретарю городского комитета партии, и первым, что он спросил, было: "А не упустили мы чего-то? не забыли?" Вечером перезванивались с начальником управления культуры, с краеведческим музеем, и здесь разговор о том же, Нвард Ваановна позвонила мне ночью: "Не могу спать. Не идет сон..." Как не понять ее, дочь?

Несколько дней назад, когда она приехала в Оренбург, мы пошли с нею на место старого кладбища. Ходила по аллеям Выставки народного хозяйства, коридорам военкомата, территории телевизионной студии, кварталам новой застройки, и я услышал: "А он мог еще жить!"

Да, уважаемая Нвард, мог. Но такие, как Терьян, редко справляют свое восьмидесятилетие. Ваан сгорел в борьбе, его сожгла страсть поэта-гражданина. Сожгла молодым, тридцатипятилетним. И навсегда остался он в далеком уральском краю, где суждено было ему сложить свою голову. Терьяна приняла земля оренбургская. Сегодня ты, земля наша, отправишься в Ереван. Так можно ли не волноваться?

...Первым, что я увидел, когда пришел к Выставке, был поток людей. О предстоящей церемонии ни в газетах, ни по радио не объявляли. Полдень. Разгар рабочего дня. Но может это экскурсанты? или приехавшие за опытом? на курсы?

- Где тут могила Терьяна?

Не на экскурсию, не за опытом и не на ученье направлялись люди. Их вело то же, что и меня.

Могилы время не пощадило. Ее, как и вообще кладбища, нет. Хоронили тогда без памятников: не было ни времени, ни возможностей класть надгробные плиты. Годы сравнивали холмики. Потом, когда развернулась бурная стройка, сюда двинулись дома, и на бывшей кладбищенской земле забушевала, забурлила жизнь.

Деревья подступили к самой стене выставочного зала. Ветви их нависли прямо над площадкой, плотно окруженной сейчас людьми.

Митинг возник внезапно. Говорили то, что подсказывали сердца. А они рождали слова о жизни, отданной революции, о бессмертии павших в борьбе за счастье народное.

Круг становился все теснее. Кто-то взял в руки лопату. Неслышно, мягко она вошла в землю.

Неожиданно для всех из людского кольца выбежал вихрастый мальчишка. Он бросил портфель, стал на колени, захватил в ладошку горсть земли и поднял голову:

- Куда?

Ему поднесли шкатулку. Первую горсть оренбургской земли в дар Армении положил он - завтрашний рабочий или пахарь.

Слов уже не было. Да и не требовалось. Тишина стояла поистине торжественная.

Со слезами на глазах держала шкатулку Нвард. А над площадкой звучали стихи Михаила Трутнева - местного поэта, хлебороба и фронтовика:

Он в край степной пришел издалека
И не успел допеть прекрасной песни,
Уснул в земле Урала навека
Ваан Терьян, Армянский Буревестник...

Да, ни надгробия, ни даже холмика на его могиле нет. Только по давним планам, а еще свидетельствам старых горожан, удалось установить, что находилось оно между нынешними улицами Аксакова и Туркестанской и от теперешней Выставочной уходило далеко вглубь степи.

Безмолвие старого кладбища разбудила новая жизнь.

Шагнула она сюда - и торжествует: в ансамблях новых кварталов, в зелени скверов и аллей, в гордой осанке двухсотметровой телемачты.

Оренбург растет, Оренбург строится, и на карте городской культуры, городских святынь - Улица Ваана Терьяна, Памятник Ваану Терьяну, Музей славы имение Ваана Терьяна.

Последний в жизни Поэта город помнит его и - чтит...